

Екатерина Лазарева

12+

Долг платежом красен

Екатерина Лазарева

Долг платежом красен

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Лазарева Е.

Долг платежом красен / Е. Лазарева — «ЛитРес: Самиздат»,
2010

Даже самый сильный волшебник может оказаться связанным по рукам и ногам магическим долгом. И даже самый простой человек может спасти талантливого чародея. Можно верить в волшебство или не верить... Но если магия пришла в твою жизнь, то никуда уже от неё не денешься!

Глава первая, знакомящая читателя с главной героиней

Елизавета Александровна Обломова – миловидная барышня двадцати двух лет – сидела на скамеечке в городском парке и сдерживала слезы, все активнее копившиеся в ее карих глазках. Лиза была настоящей Обломовой – во всех смыслах значения этой фамилии. Самой себе девушка отчаянно напоминала героя одноименного литературного произведения: она была милой и доброй, но абсолютно не испытывала потребности в каком-либо занятии. Лень была одним из основных качеств ее характера, и дай Лизе волю – она будет часами валяться на диване, уткнувшись в интересную книжку. Обломова стойко боролась со своей склонностью к ничегонеделанью, но это приносило ей лишь огорчения. К тому же девушка была невероятно невезуча, и обманывалась почти во всех своих надеждах. Порой Лизу даже посещала мысль о том, что ее кто-то проклял. Вот только она никак не могла выяснить – кто. Или, может быть, в момент ее рождения планеты как-то особенно неудачно выстроились по отношению друг к другу? В любом случае, какой бы ни была причина, следствие было отвратительным: девушке ужасно не везло!

Вот и сегодня ее настиг очередной «облом»: ей вновь отказали на собеседовании на должность, причем, даже не самую значимую! А у Лизы ведь высшее филологическое образование! Красный диплом, между прочим... Но, почему-то, это был уже десятый отказ за неделю. За одну неделю! Причем претендовала Лиза на различные должности. Но ни один работодатель не хотел с ней связываться. Ей уже казалось, что нужно быть просто каким-то сверхчеловеком, чтобы найти работу!

Ее точно, проклинали... Лет двадцать назад.

Слезы больше не хотели оставаться на месте, и дружно покатались из глаз. Девушка промокнула их платочком, шмыгнула носом и встала со скамейки. Шагнула вперед и, подвернув ногу на ровном месте, роняя сумку, бухнулась на землю, растянувшись во весь рост. Это было уже слишком! Каблук сломан, колготки разорваны, сумка и плащик в грязи... Лиза завывала страшным голосом и ожесточенно застучала кулаками по земле. Через минуту здравомыслие вернулось к Обломовой и, поняв, что так вести себя некрасиво, девушка поднялась на ноги, радуясь, что кроме нее на аллее парка никого не было... Ой! Оказывается, было. То есть был. Светловолосый невысокий мальчик, лет восьми, с рюкзаком за плечами, стоял в паре шагов от скамейки, держа в руках пакет со сменной обувью, и широко раскрытыми глазами смотрел на Лизу. На лице его читались удивление и интерес. Обломова была смущена и раздражена, потому первым ее порывом было огрызнуться и прогнать мальчика прочь, но, подумав, что он ни в чем не виноват, Лиза постаралась приветливо улыбнуться. Получилось не очень хорошо, но мальчика это не смутило, и он шагнул к девушке.

– Вы не ушиблись? – участливо поинтересовался мальчик.

– Эээ... Да нет! Все хорошо. Спасибо, – промямлила Лиза, отряхивая плащ.

– Если хотите, у меня есть влажные салфетки, – деловито продолжал мальчик.

– Спасибо, – девушка улыбнулась, заправив прядь коротких темных волос за ушко, – у меня тоже.

– А хотите, я сломаю вам второй каблук? – не отставал ребенок.

Обломова оторопела, не понимая, зачем мальчику понадобилось ломать ее каблук, когда он протянул ей свою руку для пожатия, и представился:

– Меня зовут Иван.

Лиза слегка пожала ему ладонь:

– Какое мм... славное имя.

– А как вас зовут?

– Лиза.

Ваня довольно улыбнулся и решил продолжить беседу:

– У тебя что-то случилось? Что-то плохое?

Девушка передернула плечами и, скривив губы, пробормотала:

– На работу не взяли... А ты, почему тут ходишь один? – вдруг спросила она.

– Иду из школы, – ответил мальчик, приподнимая пакет со сменной обувью.

– И тебя никто не встречает? Ты далеко живешь? Может, проводить тебя?

Лиза не понимала, что ее подвигло на такую любезность по отношению к Ване, но, тем не менее, она искренне предлагала свою помощь.

– Я живу вон в том доме, – указал мальчик на красивый дом, высившийся сразу за оградой парка. – Меня должен встречать папа, но он часто опаздывает. Ему шестьсот четыре года! – гордо закончил Ваня.

– Ты хочешь сказать – шестьдесят четыре? – поправила мальчика Лиза.

– Ой! Конечно, – Ваня засмеялся.

– Ну, так... проводить тебя? – вновь спросила девушка.

Ваня кивнул в ответ и бодро двинулся вперед. Лиза на сломанном каблучке поковыляла следом.

За пять минут, в течение которых длилась их прогулка, мальчик и девушка успели рассказать друг другу о себе достаточно, чтобы проникнуться взаимной симпатией. Лиза была даже не против еще немного поболтать с Ваней, но неожиданно для нее и вполне ожидаемо для мальчика, перед ними возник Ванин отец. Лиза поняла, что это он, когда Ваня с возгласом «Папа!» повис на шее у молодого и довольно привлекательного мужчины и начал ему что-то рассказывать. Ммдааа, на шестьдесят четыре года тот точно не выглядел... А уж тем более на шестьсот! Ему и сорок-то можно было дать с большой натяжкой. Но чего не делает пластическая хирургия и дорогая косметика?

Лизины размышления о чудесах современной медицины были прерваны очередным восклицанием Вани. На этот раз он крикнул «Мама!», и помахал рукой женщине, выходящей из машины, мгновение назад стремительно въехавшей во двор. «Еще и мама!» – пронеслось в голове у Лизы. – «А ей сколько? Сто восемьдесят?» Оказалось, что не больше тридцати. Очень стройная высокая женщина, с хорошо уложенными густыми светлыми волосами, быстро подошла к Ване, приобняла его и грозно уставилась на мужа:

– Ты снова забыл его встретить! – приятным голосом укорила дама супруга.

– Не забыл – опоздал, – спокойно пояснил Ванин отец.

– Мне надоели твои опоздания! Я сегодня даже отпросилась с работы, потому что позвонила Ваниной классной руководительнице и узнала, что ты опять за ним не заехал! Я помчалась в школу! – тут женщина переключила свое внимание на сына: – А ты, Иван, опять ушел один! Я сколько раз просила дожидаться меня или отца?

– Настя, ну ничего с ним не случится, – закатил глаза мужчина. – А сегодня его даже проводили.

И он кивнул в сторону Лизы. Девушка почему-то решила заступиться за Ваню и его отца:

– Действительно, – сказала она, – тут совсем недалеко! Два шага через парк...

– Барышня, простите, а где вы встретили Ваню? В парке? – поинтересовалась женщина. – Да, тут не далеко, – деловито кивнула она. – Только вот школа находится еще в двух кварталах от него! И я уже не говорю о том, что опасно ребенку одному ходить через парк!

И дама снова грозно уставилась на мужа. Лиза присвистнула, и с уважением поглядела на Ваню – тот был явно горд собой. Его мать, перестав испепелять супруга взглядом, вновь обратилась к Лизе:

– Простите, я даже не представилась! Анастасия Романовна, – она протянула Лизе руку, и девушка тоже назвала свое имя. – Спасибо вам за то, что проводили Ваню. Мой муж...

Анастасия взмахнула рукой, изображая какую-то замысловатую фигуру, пытаясь тем самым выразить без слов, что же представляет собой ее муж. Он же протянул Лизе руку:

– Георгий Юрьевич Воронцов. Рад знакомству.

Лиза, смущенная всей этой сценой, присела в книксене, чем вызвала удивление не только у обоих супругов, но и у самой себя. Анастасия, наконец, оценивающе окинула девушку взглядом, отмечая грязные разводы на одежде и рваные колготки.

– А с вами все в порядке? – с сомнением спросила она.

– Я просто упала, – пожала плечами Обломова. – И ваш сын любезно предложил мне помощь.

Ваня гордо улыбнулся. Анастасия потрепала его по волосам и тоже была явно довольна. Но, взглянув на мужа, вновь посуровела:

– Да, мой сын воспитан лучше, чем муж. Тот все никак не может научиться пунктуальности! Знаешь, Егор, мне надоела твоя работа. Если ты не можешь сам со всем справляться, найми, наконец, секретаря! И тогда у тебя будет время на сына.

В голове Лизы зажглась яркая лампочка – «секретарь»! Им нужен секретарь! Девушка понимала, что нельзя упускать шанс, но не знала, как бы об этом заговорить... К счастью, голос подал Ваня:

– Пап! Лиза может быть секретарем. Она *хочет* быть секретарем!

Егор вопросительно посмотрел на Лизу. Обломова кивнула и пояснила:

– Я ищу работу... И сегодня мне отказали... У меня, кстати, с собой резюме и все документы! – добавила она с воодушевлением и надеждой.

Анастасия, приподняв бровь, смотрела на мужа:

– Егор? Ну что? Разве не чудное совпадение? Что ты так долго думаешь? Чтобы тебе помогать с твоими бумажками, не нужен академик! А у девушки... высшее образование? – вопросительно глянула она на Лизу.

Та старательно кивала. Егор вздохнул и протянул к Обломовой руку:

– Дайте-ка ваше резюме.

Девушка поспешно достала его из своей испачканной сумки и протянула Воронцову. Задержав дыхание, несколько мгновений ждала, пока Егор пробежит глазами по листку, и счастливо выдохнула, когда мужчина произнес:

– Меня все устраивает. А вы хотите быть секретарем у психолога и писателя? Корректировать статьи, отвечать на письма и звонки, записывать клиентов и посетителей?

Лиза отчаянно закивала, будучи не в силах говорить. Егор достал из кармана ручку и написал внизу листа сумму, которую предлагал Лизе в качестве заработной платы.

– Устраивает? – спросил он.

Еще бы! Сумма была в два раза больше той, на которую Обломова претендовала у других работодателей. Лиза снова радостно закивала, но вдруг почувствовала подвох. Она никогда не верила, что все может быть хорошо – обязательно что-то должно быть не так. Словно увидев сомнения на ее лице, Анастасия с легкой улыбкой, сказала Лизе:

– Только не думайте, что работать будет легко. У моего мужа отвратительный характер! Да и клиенты его – не сахар. Еще и Ванька будет все время мешаться. Так что, если Егор вам предлагает большую зарплату, не удивляйтесь, а требуйте еще больше!

– Не запугивай девушку! – усмехнулся Егор. – Елизавета Александровна, я работаю дома. Клиенты приходят туда же. Каждый день. Выходных у меня нет. У вас, разумеется, будет, но «плавающий». Договорились? Если хотите, я прямо сейчас покажу вам ваше рабочее место.

Лиза хотела. Но она еще с детства знала, что никуда не стоит ходить с незнакомыми людьми! Но... соблазн был так велик – ей никогда не везет, а тут такой шанс! Она его не упустит. Поэтому девушка утвердительно кивнула, и Ваня, схватив ее за руку, повел к подъезду.

Поднявшись на третий этаж, Обломова узрела перед собою внушительную красивую дверь, рядом с которой, под дверным звонком, была привинчена металлическая табличка:

«Д-р Г.Ю. Воронцов.
Психоаналитик.
Часы приема:
11-19
Ежедневно»

«Ну, прямо как профессор Преображенский! – подумала Лиза и улыбнулась, вспоминая одно из любимых своих литературных произведений, – Надеюсь, он людей из собак не делает... Посредством психоанализа».

Осмотр рабочего места прошел успешно. Впрочем, самого еще места и не было – в кабинете «д-ра Г.Ю. Воронцова» стоял стол самого «д-ра», кушетка для пациентов, кресло рядом с нею и много-много шкафов с книгами и разными интересными вещами. Таким образом располагаться Лизе было негде. Но Егор пообещал, что установит стол для Обломовой в огромной прихожей, которая служила по совместительству приемной. Если, конечно, Лизавету не обижает подобное расположение ее рабочего места? О, нет, ее не обижало! На том и договорились.

Воронцовы предложили Лизе прийти в понедельник, на что девушка с радостью согласилась и, распрощавшись с милым семейством, удалилась в радужном настроении.

Глава вторая, в которой Лиза не удивляется чудесам

Работать у доктора Воронцова оказалось легко, приятно и очень интересно. Несмотря на то, что с десяти утра до семи вечера Лиза перебирала документы, отвечала на звонки, звонила сама, общалась с клиентами доктора, читала и правила статьи Воронцова для различных журналов, редактировала главы из его новой книги по психоанализу, выполняла кучу непонятных поручений, и помогала с уроками Ване, которого отец теперь регулярно забирал из школы, работа отнюдь не напрягала.

Дело в том, что посетители Воронцова были очень странные. Обломовой казалось, что им не психоаналитик был нужен, а психиатр. И общаться с ними было очень трудно. Правда, к большинству Лиза успела привыкнуть уже за пару месяцев, поэтому выработала в отношении каждого особую стратегию поведения. Но, порой, Егора посещали совсем уж интересные личности: низкорослые бородачи, смахивающие на гномов, приходили целой компанией и потом на непонятном Лизе языке бурно что-то обсуждали в кабинете с Воронцовым, и уходили веселые и пьяные; девушка, похожая на русалку, навевалась раз в две недели на пару минут – зачем, Лиза не знала, но после неё всегда оставались мокрые полы, а один раз Лиза обнаружила даже головастика! Старик с крючковатым носом и жидкими длинными рыжими усами и рослая дама с суровым взглядом часто приходили вдвоем и, несмотря на угрожающий вид этих гостей, Воронцов был им всегда рад. И еще много было других людей, но, если бы Лиза старалась запомнить всех, ее мозг не выдержал бы подобной нагрузки. Поведение таких посетителей всегда бывало непредсказуемым, а их визиты сопровождались разнообразными чудесами – Обломова предполагала, что они нарочно выпендривались перед ней, прекрасно зная, что она не может заставить плащ самостоятельно повеситься на крючок, плавно пролетев пару метров по воздуху; или уменьшить зонтик до размера булавки и спрятать его в карман... Да, Лиза не могла похвастать такими умениями, что отнюдь не заставляло ее чувствовать себя ущербно в присутствии людей, которые такими способностями обладали.

К странностям самого дома Лиза тоже привыкла. А их было достаточно: дом был обставлен стильно и со вкусом, а еще – полон непонятными оригинальными вещами, о назначении многих из которых Обломова и не догадывалась. На полках, выкрашенной в бледно-желтый цвет, гостиной стояли фарфоровые фигурки очень тонкой работы, и стоило хлопнуть в ладоши, как они начинали танцевать и... петь! Сколько Лиза не искала скрытый механизм – так и не

нашла. Потолок уютной хозяйской спальни был идеально белым, но стоило первым звездам появиться на небосклоне, как он начинал покрываться их яркими светящимися копиями. А чего только стоили игрушки Вани! Это были настоящие солдаты, танки, рыцари... Только в масштабе один к десяти. Когда Лиза впервые увидела разыгранную ими баталию, то не поверила своим глазам и захотела было сама записаться на прием к Воронцову. Но, вспомнив, как далеко зашел технический прогресс, Обломова успокоила себя, хотя и стала отказываться играть с Ваней под самыми разными предложениями.

Кабинет Егора был самой большой, после гостиной, комнатой в доме. Вдоль стен висели шкафы из темного дерева, заставленные книгами, пол был застлан зеленым ковром, а на окнах висели того же цвета шторы. В комнате частенько царил полумрак, который, как объяснил Воронцов Лизе, помогал клиентам расслабиться. Но Обломова так и не смогла понять, как можно расслабиться в помещении, в котором все время что-то шевелиться или шумит! В кабинете висели часы с кукушкой, каждый час кукушка выглядывала из домика и куковала положенное число раз... А потом могла взлететь и начать кружить по комнате. Ваня даже иногда кормил ее орешками. А на столе Воронцова стояли в рядок девять слоников, иногда принимавшиеся ходить, трубить в хобот, и топтать бумаги, пока на них не прикрикнешь. Некоторые книги старались выбраться из шкафа и, пытаясь выползти со своего места, недовольно пыхтели. Их то и дело приходилось заталкивать назад! Причем вести себя подобным образом ни кукушка, ни слоники, ни книги не стеснялись даже при посетителях!

Иногда Лизе казалось, что она попала в сказку о Щелкунчике, и частенько ожидала (особенно, когда из детской появлялись, сражающиеся рыцари, которым показалось мало места в пределах одной комнаты), что сейчас послышится шорох, и, прогрызая себе дорогу, из пола вылезет трехглавая крыса. Но крыс, к счастью, не было – Лиза их боялась.

Еще на стенах висели интересные картины, казавшиеся живыми. На одной из них листики деревьев шелестели на ветру, на другой эльфы, сидящие на ветках дуба, каждый день менялись местами и подмигивали, проходящей мимо Лизе. А прямо напротив входной двери, то есть у Лизы за спиной, висел портрет красивого золотоволосого юноши, который следил за всеми входящими в дом и лукаво улыбался. Обломовой казалось, что он и за ней наблюдал... да еще и насмехался!

Когда девушка сидела на своем рабочем месте, ей часто казалось, будто кто-то дергает ее за волосы, и это ощущение прекращалось только тогда, когда она поворачивалась к портрету и грозила ему пальцем. Однажды, когда портрет особенно разошелся, а Лиза решила его игнорировать, ее дернули за волосы так сильно, что она вскрикнула и, проходящий мимо Егор, удивленно вскинул брови. Потом он перевел взгляд на портрет и, улыбнувшись, обратился к нему:

– Не шали, Елизар!

Воронцов похлопал удивленную Лизу по плечу и, покачивая головой и беззвучно смеясь, прошагал в свой кабинет.

Кстати, сам Воронцов был не менее, а может и более интересен, чем его дом. Начать можно с того, что в шестьдесят с лишним лет люди не выглядят так молодо! Егор был высоким и стройным мужчиной с густыми каштановыми волосами без единого седого волоса (и Лиза знала точно, что он не использует краску для волос). Его зеленые глаза почти всегда улыбались, и был в них какой-то юношеский задор. А еще он был неугомонен как подросток, и вел себя сдержанно только в присутствии клиентов. Лиза никогда не замечала, как он входил и выходил – девушка подозревала, что Егор перемещается сквозь стены. Когда у Обломовой было плохое настроение, ее начальнику стоило щелкнуть пальцами у нее перед носом, и хандра уходила. Стоило Лизе простудиться, как ее поили дымящимся зеленым варевом, и все симптомы болезни исчезали быстрее, чем девушка допивала чашку до дна...

Ваня тоже обладал различными талантами. В том числе он мог прикосновением руки снимать головную боль. Всегда точно знал, какая будет погода и, в отличие от метеорологов,

никогда не ошибался. Угадывал результаты спортивных матчей и соревнований. А играть с ним в карты было просто невозможно – Лиза не выиграла ни разу! Так как Анастасия, работая где-то на телевидении, появлялась дома только около шести вечера, все это время Ваню приходилось занимать Обломовой, благодаря чему мальчик и девушка крепко сдружились в минимальные сроки.

Из всей семьи наиболее обычным человеком была Анастасия, и единственной ее особенностью было, похоже, угадывание чужих мыслей. Она всегда чувствовала, какое у Лизы настроение и, если бывала дома, когда девушка уставала, отрывала ее от работы и поила чаем. Она знала, кто довел Лизу до нервной икоты, какое поручение Егора сбilo ее с толку, чем она хотела бы заняться на выходных. И была хозяйка к девушке неизменно добра, позволяя себе выполнять ее маленькие желания.

В общем, уже к концу второй недели своей службы у Воронцова, Лиза поняла, что ее начальник – волшебник. И его сын тоже. Это открытие поразило девушку, так как лет с пятнадцати она не верила в волшебство. Когда Обломова была ребенком, существование магов и колдунов было для нее неоспоримым, но по мере взросления, Лиза все больше задумывалась над научным объяснением чудес. Тогда она поняла, что волшебная палочка – это выдумка, потому что не может что-то возникать из ничего, и никакая палочка тут не поможет! Также она не верила в заклинания – ну почему после произнесения какой-либо фразы должно было что-то появиться или исчезнуть, или произойти? Тогда Лиза достала книгу по практической магии и решила погрузиться в ее изучение, но обнаружила, что для того, чтобы стать магом, нужно обладать обширнейшими знаниями по химии, физике, астрономии, математике и биологии. Так получается, что это не магия, а чистой воды наука. Пятнадцатилетнюю Лизу посетило тогда глубокое разочарование, и с тех пор она не верила в волшебство.

К тому же у нее никогда не сбывались желания – она терла уши грифонам на Университетской набережной, загадывала желание с двенадцатым ударом курантов на Новый Год, подкарауливала падающие звезды и... ничего! Ни одно из загаданных ею желаний не исполнялось. А она ведь не просила многого!

Поэтому теперь, обнаружив в доме Воронцовых и в самих Воронцовых столько необычного, Лиза решила пересмотреть свое мировоззрение и, в частности, свое отношение к волшебству. Хотя, она продолжала по привычке говорить, что в волшебство не верит, имея перед собой наглядные примеры заколдованных вещей, не могла уже легко убедить себя в том, что магия – это наука.

Но больше всего девушку удивляло то, что ее ничего не удивляло. То есть, конечно, при виде очередного чуда, у нее рот открывался от изумления, а глаза грозились стать размером с блюдце, но... рассуждая здраво, Лиза не могла не признать, что ее реакция могла бы быть гораздо ярче. Поразмыслив, девушка пришла к выводу, что это тоже проделки ее начальника – ему же не нужно, чтобы его секретарь с воплями ужаса убегала из его дома, спасаясь от игрушечных солдатиков! Лизе было не очень приятно, что на ее нервную систему воздействуют исподтишка, но, с другой стороны, она была благодарна Егору за заботу об ее психике.

Отношения с начальником у Обломовой были замечательные. Хотя их общение ограничивалось короткими указаниями со стороны Воронцова и такими же краткими отчетами Лизы – обоих полностью устраивало положение вещей. Егор был явно доволен работой Лизы, равно как и Лиза была довольна ею. Поначалу девушка боялась давать Воронцову советы, относительно его статей и книг, но, будучи филологом, не могла удержаться от некоторых замечаний и со временем Егор стал все чаще прибегать к Лизиной помощи, работая над очередной главой.

После полугода работы на Воронцова Лиза все еще не могла поверить своему счастью и с любовью вспоминала тот день, когда познакомилась с Ваней. А туфли со сломанным каблучком бережно хранила, справедливо считая, что это они помогли ей найти такое чудное место работы.

В один дождливый майский день Лиза сидела за своим столом и, подперев рукой щеку, раскладывала на компьютере «косынку». Егор поехал за Ваней, и Обломова, оставшись в квартире одна, могла позволить себе немного расслабиться. Портрет Елизара вел себя в тот день особенно нахально, и раздвигал ей прическу.

– А что будет дальше? – спросила Лиза у Елизара, даже не оборачиваясь. – Плеваться начнешь?

Портрет, похоже, усмехнулся. Лиза покачала головой. В кабинете Егора что-то грохотнуло, и девушка, подскочив с места, решительно направилась туда, на ходу ругая слоников. Но на полпути была остановлена звонком в дверь. Обломова с удивлением обернулась к портрету – в это время не бывало посетителей. Елизар нахмурился. Лиза пожала плечами и потянулась к кнопке, открывавшей дверь, быстро проскальзывая назад на рабочее место.

Дверь отворилась как всегда бесшумно и мягко, и на пороге возник худой высокий старик с тонким длинным носом, крохотной бородкой и белоснежными волосами длиной до подбородка, облаченный в длинный черный плащ. Он опирался на темно-зеленый зонт-трость и прижимал к груди черную шляпу с зеленой лентой.

– Добрый день, – вежливо склонил голову в поклоне гость.

– Здравствуйте! – бодро отозвалась Лиза. – Проходите, пожалуйста. Вы записаны?

– Нет, – коротко ответил старик, подходя к столу Обломовой.

– К сожалению, сегодня Георгий Юрьевич не сможет вас принять, но я могу записать вас на завтра, – предложила Лиза, неосознанно вжимаясь в спинку своего кресла, стараясь отодвинуться от гостя подальше – чем-то он ее пугал.

– Благодарю, но я по другому вопросу.

– Да-да! – Обломова заставила себя податься вперед, изобразив полнейшее внимание.

– Могу ли я поговорить с самим господином Воронцовым? – вежливо улыбнулся старик.

Лиза покачала головой:

– Боюсь, что нет – в данный момент его нет дома. Но вы можете подождать...

– Не могу, – оборвал Лизу гость, все еще вежливо улыбаясь и еще ниже склоняясь над ее столом. – Не могли бы вы кое-то передать Георгию Юрьевичу?

– Конечно! – Лиза схватила ручку и листочек, быстро оглянувшись на Елизара – тот был невероятно мрачен. – Говорите, пожалуйста.

Старик уставился девушке в глаза цепким взглядом и вкрадчиво произнес:

– Передайте, пожалуйста, барышня, господину Воронцову, что пришел срок выплаты долга. Он должен быть выплачен до первого летнего дня.

Лиза быстро пометила себе на листке – «долг. 1 июня». Кивнула старику и натянуто улыбнулась:

– Это все?

– Да.

– А ваше имя, простите?..

– Господин Воронцов знает.

– А...

– Всего доброго!

Старик поклонился, стрельнул взглядом в портрет и направился к двери, на ходу надевая шляпу. На пороге он, не оборачиваясь, произнес:

– Обязательно передайте все Георгию Юрьевичу. Пожалуйста, не забудьте.

Лиза кивнула, хотя старик стоял к ней спиной, и подскочила в кресле, когда он резко обернулся и с ехидной улыбкой бросил портрету:

– До свидания, Елизар!

Лиза сидела, ничего не понимая, еще пару минут, после того, как дверь за посетителем закрылась. Девушка обернулась к Елизару и успела заметить озабоченное выражение на

нарисованном лице, которое мгновенно изменилось, принимая свой обычный вид. Лиза покачала головой, осознавая, что посетитель был непростой, но мысли о старике были прерваны нарастающим шумом из кабинета Егора и, вспомнив о слониках, вероятно учинивших погром, девушка побежала их утихомиривать.

Глава третья, в которой у Лизино работодателя начинаются неприятности

Ваня залез к Егору в машину, и тот слегка улыбнулся – идея нанять секретаря уже не казалась ему такой глупой, как полгода назад. Во-первых, Лиза отлично справлялась со своими обязанностями, а во-вторых, теперь Егор никогда не опаздывал к окончанию школьных занятий сына. И Анастасия больше не ворчала.

Да, по прошествии почти семи месяцев, Егор с полной уверенностью мог сказать, что он очень рад тому, какого хорошего секретаря нашел ему Ваня. У мальчика был дар мгновенно определять характер человека, поэтому Воронцов легко согласился на кандидатуру Лизы на роль своей помощницы. И не ошибся: девушка была отлично образована, и очень помогала ему с литературной деятельностью, но, главное – совершенно не реагировала на определенную оригинальность семьи Воронцовых и их жилища. Егор вполне обоснованно ожидал более бурных эмоций от Обломовой на различные чудеса в их доме. Но девушка была спокойна и, даже если удивлялась, то обычно не показывала виду. И с Елизаром нашла общий язык... Ну, по крайней мере, шалостей страшнее, чем дерганье за волосы, он над ней себе не позволял. Хотя, поначалу Егор и опасался оставлять Лизу одну в доме, теперь он об этом не волновался, потому что во время его отсутствия с ней ни разу ничего плохого не произошло. Единственное, на что она жаловалась, это на неугомонность слоников с его рабочего стола.

Ваня бодро вещал с заднего сидения о том, как у него прошел день, и как много им задали домашней работы. Воронцов усмехнулся, прекрасно понимая, что значат эти слова, а именно – сегодня Лиза не должна отвлекаться на всякие там книги и статьи: важнее, чем математика за третий класс для нее ничего не может быть. Вздохнув про себя, Егор решил, что десятой главе его книги действительно придется подождать, так как Ваня отказывался делать уроки без Лизы. Она была нужна ему больше для моральной поддержки, потому что он справлялся со всеми заданиями сам. Но если девушка не сидела с ним рядом, работа у мальчика продвигалась гораздо медленнее.

Доехав до дома и припарковав машину, Егор с сыном поднялись к себе на этаж и, уже стоя перед дверью, Воронцов ощутил смутную тревогу. Ваня радостно вбежал в квартиру и подскочил к Лизину столу, делясь с ней впечатлениями прошедшего учебного дня. Обломова смеялась и что-то весело отвечала, пока Егор снимал свой плащ и ботинки. Когда Воронцов подошел к девушке, та, сделав строгое лицо, отправила Ваню мыть руки, и тот убежал выполнять указание, не забыв показать Лизе язык.

– Кто-нибудь звонил? – осведомился Егор у Обломовой.

– Нет. Но приходил какой-то старик.

– Старик? – наморщил лоб Воронцов, пытаясь вспомнить, кто бы это мог быть.

– Да. Какой-то кредитор, – продолжала Лиза, шаря по заваленному бумагами столу, в поисках листочка с напоминанием.

– Кредитор?! – изумился Егор.

– Да. Вот оно!.. – Лиза протянула Воронцову листик.

Егор уставился на него и прочел вслух:

– Долг. Первое июня. Что это...

Его взгляд резко переместился на портрет Елизара, и Лиза тоже повернулась туда, не понимая, отчего на лице начальника застыло выражение ужаса. Неужели, он так много задолжал? Но, взглянув на Елизара, девушка изумилась еще больше – на лице у того играла горькая

сочувствующая (или издевательская?) усмешка. Егор переводил взгляд с листка на портрет и обратно. Затем, одним движением руки смяв несчастный листик, Воронцов, не говоря ни слова, развернулся и почти убежал в свой кабинет.

До самого вечера, когда Лиза уже собиралась уходить, Егор не показывался. К нему приходили посетители, и как видно, он вел себя с ними как обычно, но когда с работы вернулась Анастасия, Воронцов не пустил ее в кабинет. Женщина удивленно поглядела на своего сына, потом на Лизу, пожавшую плечами и, раздумывая над поведением супруга, удалилась к себе.

Обломова же не очень задумывалась над поведением своего начальника – впереди у нее был выходной день, и в своих мыслях она уже вгрызалась зубами в сочный шашлычок у бабушки на даче. Подхватив свой яркий зонтик, Лиза, с деланно серьезным выражением лица, пожала руку Ване, провожавшему ее до дверей и, неожиданно для самой себя, послав воздушный поцелуй Елизару, буквально выпрыгнула из квартиры Воронцовых.

Ваня же, когда дверь за Обломовой закрылась, направился к ее столу – перебирать разные красивые маркеры, кучки, карандаши, которыми стол был завален; нарисовать что-нибудь и прикрепить на монитор (каждое рабочее утро Лиза находила новую картинку, приклеенную к своему компьютеру). Мальчик неаккуратно задел локтем стаканчик с карандашами и те, радостно постукивая, свалились на пол, дружно откатываясь под стол. Ругая непослушные карандаши, Ваня слез со стула и, встав на четвереньки, начал тихонько собирать канцелярские принадлежности с пола. Услышав шаги своей матери, Иван замер, не желая быть обнаруженным, потому что Анастасия не разрешала сыну трогать чужие вещи и абсолютно не принимала в расчет Ванины заявления о том, что Лиза им совсем не чужая.

Анастасия быстро прошла мимо Лизиного стола и тихонько постучалась в дверь кабинета мужа. Постояла молча несколько мгновений, но, так и не дождавшись ответа, решительно шагнула внутрь. Ваня продолжил собирать карандаши. Он понимал, а точнее – чувствовал, что что-то случилось, но он также прекрасно знал, что выяснить что-либо не представлялось возможным, пока родители сами не расскажут. За всю свою, пока еще очень короткую, жизнь Иван успел понять, что подслушать родителей невозможно – сколько не прикладывай ухо к замочной скважине, ни слова не услышишь. А уж подглядеть – тем более. Скрывать свои мысли тоже не получалось – это трудно, когда твои родители умеют их читать! И благодаря этому из Вани рос очень послушный и приличный ребенок – ведь он не мог утаить ни одну свою шалость!

И сейчас Ваня был немного удивлен тем, что мама не заметила его под столом – обычно она чувствовала, что он где-то рядом. Но, видимо, она была чем-то другим сильно взволнованна... Ваня поставил карандаши обратно в стаканчик и, глядя на портрет Елизара, подумал, что если мама была невнимательна, то более расстроенный отец, мог также быть рассеянным. Елизар едва кивнул, отвечая на мысли мальчика и, Ваня, улынувшись и кивнув портрету в ответ, подскочил к двери в отцовский кабинет, прижимая к ней ухо.

Вначале он ничего не услышал и подумал, что отец оказался не таким уж расстроенным, и не забыл сделать так, чтобы из комнаты не раздавалось ни звука. Мальчик уже разочарованно вздохнул и собирался вернуться к Лизиному столу, как услышал взволнованный голос матери:

– Но как ты мог об этом забыть?!

Ваня снова прильнул ухом к замочной скважине, затаив дыхание.

– Настя, это было четыреста лет назад... – услышал он усталый голос отца.

– И что, у тебя старческий маразм? – с сарказмом воскликнула Анастасия. – Мне казалось, о таких вещах не забывают!

Егор ничего не ответил, но Ваня сильно подозревал, что отец сделал очень несчастное лицо (а он умел!), потому что было слышно, как Анастасия быстро сделала несколько шагов вперед и, по всей видимости, обнимая мужа, очень мягко, с сочувствием быстро заговорила:

– Прости, прости! Я понимаю, как тебе тяжело. Я не хотела, извини... Просто у меня в голове не укладывается! И... как вообще этот старик мог зайти к нам в дом? На что нам Елизар?!

– Елизар тут не при чем, – вяло отозвался Егор. – Он еще менее чем я способен противостоять этому... Даже имя его произносить не хочу!

На несколько долгих минут супруги замолчали, Ваня нетерпеливо ждал продолжения. Наконец, Анастасия спросила:

– Что же теперь делать?

– Нужно возвращать долг. До первого июня... Неделя осталась.

– Но это же невозможно! – воскликнула Анастасия, вышагивая по комнате. – Ты же лучше меня знаешь, как это ужасно!

– Я постараюсь как-нибудь уладить это дело...

– Уладить?! Интересно, как же это? И я вообще не понимаю, как ты мог так глупо попасться, да еще и забыть об этом! И не сделать ничего, чтобы избавиться от этого чертова долга! – почти яростно воскликнула Анастасия, наконец, остановившись на середине комнаты.

– Настя! Если, хочешь правду, то я даже не думал, что столько проживу! Мне казалось, что четыреста лет достаточно долгая отсрочка!

Анастасия снова зашагала по кабинету, надолго замолчав. Ване даже наскучило стоять под дверью, но Воронцова начала вновь:

– Так что же нам теперь делать?

– Не нам, а мне, – поправил жену Егор – та в ответ только фыркнула. – Прятаться бесполезно... Договориться миром было бы лучше всего, но, зная, с кем я связался...

– Я же знаю, что с тобой будет! – нетерпеливо перебила мужа Анастасия. – У меня каждый день перед глазами пример Елизара!

Ваня уловил в голосе матери истерические нотки и повернулся к Елизару, чтобы узнать, что же с ним такого страшного, от чего мама так кричит. Но с Елизаром все было в порядке – он как всегда язвительно улыбался с портрета...

– Настя, успокойся, ладно? – услышал Ваня голос отца, более бодрый, чем раньше. – Все еще может быть хорошо. К тому же, у меня целая неделя в запасе. Не волнуйся. Я что-нибудь придумаю... Ну, а если нет... Придется мне отвечать за свои ошибки.

Ваня слышал, как Анастасия всхлипнула, потом что-то быстро пробормотала и двинулась к двери. Мальчик проворно залез под Лизин стол и замер. Так он просидел, пока не услышал, как хлопнула дверь в комнате родителей. Тогда Ваня вылез, вопросительно посмотрел на портрет Елизара, не дождался от него никакой реакции, и направился в свою комнату. Его заинтриговало произошедшее, и ему очень хотелось рассказать обо всем Лизе, но он сомневался в том, что это хорошая идея. Еще в день знакомства с девушкой, отец попросил Ваню не ввязывать Лизу ни во что, и не рассказывать ей о его или своих магических способностях. Мальчика вначале это расстроило: он не понимал, что в этом страшного – он то и дело проговаривался одноклассникам о том, что его отец волшебник. И ничего! Ему, конечно, мало кто не верил... Но, узнав Лизу поближе, Ваня понял, что она совершенно не верит в волшебство и поэтому, рассказывать ей что-то о магии было бы просто бессмысленно.

Ваня уселся на подоконник и еще раз подумал, что Лиза могла бы помочь ему вызнаться из-за чего так расстроены родители, но тут же вновь решил не говорить девушке ничего – это как-никак семейное дело. И хоть он и не считал Лизу чужой, все же ей лучше не знать об этих непонятных разговорах. Размышляя об этом, Ваня чувствовал себя серьезным и взрослым, а потому решил, что должен обязательно помочь отцу, что бы тому ни пришлось бы сделать. Но только действовать стоило тайно – родители никогда бы ему не разрешили вмешиваться в их дела, если бы узнали о его намерениях. Нужно только постараться не думать об этом, а то мама обязательно догадается...

Но, в конце концов, она просто женщина, хоть и с невероятно сильной интуицией, а Ваня – настоящий волшебник!

Глава четвертая, в которой происходят страшные вещи

Понедельник, конечно, день тяжелый, но Лиза все равно прибыла на свое рабочее место без недовольствия. Елизар, увидев ее, улыбнулся почти приветливо, чего раньше с ним не бывало, и Обломова удивленно присвистнула:

– Даже так? Надеюсь, ты не подумал, что тот воздушный поцелуй что-то значил? – деланно озабоченным тоном поинтересовалась Лиза.

Елизар надменно фыркнул, закатывая глаза к потолку, и девушка, уперев руки в бока, протянула:

– Ууу... Да вы самовлюбленны, молодой человек!

Весело рассмеявшись, Лиза уселась за свой стол, отвернувшись от портрета, который тут же стал забавляться с ее прической. Девушка мурлыкала себе под нос песенку и правила статью Воронцова для какого-то журнала по психологии. Сам Воронцов не спешил показываться из своего кабинета, но неожиданно для Лизы, в прихожую вышла Анастасия.

– Доброе утро, Лиза! – поздоровалась женщина, подходя к Обломовой. – Как прошли выходные?

– Замечательно, спасибо! – улыбнулась Лиза. – А вы сегодня не пойдете на работу?

– Я что-то приболела... – махнула рукой Анастасия. – Взяла больничный...

Лиза внимательно посмотрела на Воронцову – та, действительно выглядела неважно. Лицо у Анастасии вытянулось, побледнело, глаза покраснели и смотрели устало. Лиза сочувственно улыбнулась и предложила Воронцовой прилечь, та согласно кивнула и, пожелав Лизе удачного рабочего дня, удалилась.

Но видимо удача в этот день решила отвернуться от Обломовой: Егор, соизволивший, наконец, появиться перед секретарем, был хмурым и очень капризным. Ваня явно что-то скрывал от Лизы и был гораздо менее общительным, чем обычно. Посетители подобрались сплошь истеричные дамочки, разговаривать с которыми было почти невозможно. То и дело мимо проходила, похожая на тень, Анастасия, чей печальный вид тоже не поднимал настроения... Лиза сообразила, что у Воронцовых, вероятно, случилось что-то неприятное, но девушка благоразумно решила не влезать в чужие дела. Как только рабочий день закончился, Лиза тихонько и незаметно ретировалась, радуясь, что покидает это печальное семейство и, надеясь, что следующий день пройдет более радостно.

Но, увы! И следующий день был таким же печальным. А за ним еще один – еще более мрачный. Воронцов отменил половину приемов, и Лизе пришлось переносить визиты многих клиентов на другие дни. Егор часто уходил куда-то, не оставляя Обломовой никаких указаний, и она сидела по несколько часов в пустой приемной, не зная, чем себя занять. Она только и делала, что пила чай с булочками и шоколадом, из-за чего за несколько дней потяжелела на пару килограммов. После своих отлучек Воронцов возвращался еще более мрачный и, не говоря ни слова, запирался в кабинете.

Таким образом прошла вся неделя – Лиза только вздыхала и качала головой. Она не могла сказать, что ее сильно заботит настроение начальника – ее работа не становилась от этого хуже. Но общее сумрачное настроение, разумеется, влияло и на нее, делая Лизу грустной в течение всего рабочего дня. Девушка кидала вопросительные взгляды на Елизара, но тот только пожимал плечами – в конце концов, он был всего лишь картиной.

Пятница подкралась незаметно, хоть Лиза ее и очень ждала. Егор снова убежал, Ваня, явно что-то замышляя, целыми днями не показывался из своей комнаты, лишь изредка приходя к Обломовой, перекинуться парой слов. Анастасия несколько дней назад затеяла гене-

ральную уборку, которая никак не могла подойти к своему завершению. Вот и теперь она что-то яростно мыла в кухне. Лиза, начитавшаяся психологических статей Егора, пришла к выводу, что у госпожи Воронцовой стресс, и с помощью уборки она пытается его снять.

Обломова, откинувшись на спинку кресла, держа в одной руке чашечку с зеленым чаем, готовилась другой рукой закинуть себе в рот крохотное, но очень вкусное пирожное, когда в квартиру ворвался взъерошенный Егор и полубезумным взглядом окинул прихожую. Лиза поспешила отставить чашку и положить пирожное обратно на тарелку.

– Лизавета, иди домой! – бросил Воронцов, проносясь вихрем мимо девушки.

Он распахнул дверь кухни и, схватив Анастасию за плечи, стал быстро втолковывать ей что-то о том, что у него ничего не получилось, и теперь она должна быстро уехать куда-нибудь вместе с Ваней. Лиза – удивленная и растерянная – вылезла из-за стола и сделала пару шагов в сторону Воронцовых, но остановилась, когда услышала встревоженный голос Анастасии:

– Я никуда не пойду! Ты думаешь, я могу тебя сейчас оставить? Тогда ты просто дурак! А Ваню... Ваню пускай заберет Лиза! – воскликнула женщина, увидев Обломова и указав на нее мужу.

Воронцов резко обернулся:

– Почему ты еще здесь? Я же сказал – уходи!

– Не кричи на нее! – оборвала Егора жена, и сбросила его руки со своих плеч. – Лиза, пожалуйста, как можно быстрее покинь квартиру и возьми с собой Ивана. Я понимаю, что это необычная просьба, но не могла бы ты приютить на несколько дней нашего сына у себя дома?

Лиза иногда соображала очень медленно, и сейчас как раз был именно такой момент. В ее голове лениво ворочались мысли, и она никак не могла понять, что происходит.

– А... – Лиза открыла рот, чтобы задать вопрос, но Воронцов бесцеремонно развернул ее и подтолкнул к двери.

– Быстрее, Обломова! Не тормози!

Лиза споткнулась и чуть не полетела на пол, но вовремя уцепилась за ручку двери Ваниной комнаты. Мальчик, услышавший разговоры, выглянул из спальни и уставился на Лизу вопросительным взглядом. Следуя указаниям «не тормозить», Обломова взяла Ваню за руку и поволокла в прихожую.

– Надевай ботинки – поедem ко мне в гости!

Иван удивленно оглянулся на спорящих родителей, краем глаза заметив, как с портрета ему кивает Елизар, явно советуя идти вместе с Лизой. Обломова же, подлетев к своему столу, смахивала с него в сумку все, что попадалось под руку, на ходу, скидывая домашние туфли и, вдевая ноги в кроссовки. Неаккуратно задев уже не безызвестный стаканчик с карандашами, Лиза уронила его на пол, и он грохнулся с громким деревянным стуком карандашей, почти заглушив звонок в дверь. Лиза чертыхнулась и, не заметив побелевших лиц старших Воронцовых, полезла под стол. Ваня кинулся ей помогать и, так как стол был не из маленьких, они вдвоем там легко уместились, собирая по полу непонятно зачем нужное Лизе, огромное количество цветных карандашей.

Ни девушка, ни мальчик, естественно, не увидели, как открылась дверь и в квартиру величественно вплыла изящная дама в розовом закрытом платье и белом пиджачке, в сопровождении седоволосого старика, коего уже приходилось встречать Обломовой. В этот раз он был без зонтика и плаща, но все с той же шляпой с зеленой лентой, а из нагрудного кармашка его черного пиджака торчал зеленый шелковый платок. Дама слегка склонила голову, здороваясь с Воронцовым, и улыбнулась ему холодной улыбкой. Затем смерила презрительным взглядом Анастасию, замершую за спиной мужа, и усмехнулась. Старик же не двигался и даже не моргал, вперив взгляд своих колючих хитрых глаз в лицо Егора. Тот же, казалось, не обратил на него внимания и смотрел только на женщину в розовом.

– И ты здесь? – спросил Воронцов, скорее насмешливо, чем удивленно.

Дама лишь пожала плечами и оглядела прихожую равнодушным взглядом. Егор незаметно сделал легкое движение кистью руки в сторону стола, наложив на него чары, чтобы гости не заметили затаившихся под ним Лизу и Ивана. А те действительно предусмотрительно затихли, заметив пару розовых туфелек на стройных ножках и черные блестящие ботинки на мужских ногах, что были видны девушке и мальчику из их укрытия. Ваня был волшебником, хоть еще ничему и не научившись, и хорошо почувствовал явную опасность, исходившую от этих ног и их владельцев. А Лиза Обломова, хоть и медленно соображала сегодня, но интуиция всегда мгновенно ей подсказывала, когда и что стоит делать или не делать. Сейчас она подсказала девушке сидеть тихо и не высовываться.

Тем временем, розовые туфельки и, разумеется, особа в них обутая, сделали несколько шагов по направлению к столу. Дама явно не спешила начать разговор, Егор тоже молчал. Старик так и продолжал пялиться на него, а Анастасию начала бить нервная дрожь. Женщина в розовом платье заметила это и, с улыбкой обернувшись к Воронцовой, заговорила, обращаясь, тем не менее, к Егору:

– А твоя супруга напугана, Георгий. Не пожалел еще, что женился на простушке? Как будто мало вокруг волшебниц, – дама звонко засмеялась, всплеснула руками и оглянулась на старика, призывая его посмеяться вместе с ней. – Хотя когда ты поступал иначе?

Егор сделал полшага в сторону, полностью закрывая собой Анастасию, но гостью только усмехнулась:

– Ой, да не закрывай ты ее грудью, рыцарь! Если мы захотим ей навредить, нам никто не помешает. И именно ты, прежде всего, будешь виноват, если с ней что-то случится.

Дама замолчала на некоторое время, взяла со стола маркер, повертела его в руках, кинула обратно – он упал на пол и укатился под стол, где, прижавшись друг к другу, затаив дыхание, сидели Лиза и Ваня. Женщина в полнейшей и совсем не приятной тишине вновь обвела прихожую взглядом и, как будто только что, заметив, портрет на стене, воскликнула удивленно и весело:

– О! Елизар! Какая встреча после стольких лет! Как поживаешь? Боюсь, у тебя не слишком насыщенная жизнь... – дама с деланным сожалением покачала головой и поцокала языком. – Но скоро тебе станет веселее. Когда твой хозяин присоединится к тебе на этой картине!

Женщина резко выпростала вперед руку, как будто хватая что-то, и Анастасия, вскрикнув, оторвалась от пола и пролетела мимо, отброшенного к стене Егора, в руки старика. Тот поймал Воронцову и, удерживая за локти, подул ей на лицо. Егор кинулся вперед, но был вновь отброшен на несколько метров властным движением руки изящной гостьи. Анастасия тем временем осела на пол, как марионетка, у которой обрезают ниточки. Когда Воронцов поднялся и подбежал к жене – в этот раз ему никто не препятствовал – он увидел ее бледное лицо с опущенными веками и обнаружил отсутствие у нее пульса.

– Она жива, – снисходительно бросила дама, глядя на безумное лицо Егора. – Пока что. Хозяин решил дать тебе еще один шанс, Георгий. Ты должен вернуть ему долг! Он понимает, что тебе не хочется этого делать, но, если в течение семи дней ты не явишься к нему, твоя супруга уже не откроет глаза.

Воронцов, казалось, не слышал того, что ему говорят – он гладил Анастасию по щекам, шептал над ней какие-то заклинания, и не поднимал глаз ни на даму в розовом, ни на усмехавшегося старика. Тот же, презрительно глядя на Егора, произнес:

– Не надейся, Воронцов – от поцелуя она не проснется.

Егор кинул на старика испепеляющий взгляд, но не сказал ни слова. Гостья подошла к Воронцову и ласково погладила его по голове:

– Что ж, мы с Семеном оставляем тебя с твоей спящей красавицей. Надеюсь, ты запомнил то, что я тебе сказала? Мы тебя ждем.

И женщина направилась к выходу. Старик Семен распахнул дверь перед изящной дамой, но та, помедлив мгновение, помахала нежной ручкой Елизару:

– Счастливо оставаться!

И незваные гости удалились, оставив в квартире Воронцовых, бездыханное тело хозяйки, обезумевшего от горя хозяина и, незамеченных ими, полного благородного гнева, Ваню и, пребывающую в предобморочном состоянии Лизу.

Глава пятая, в которой в Лиза влезает в чужие проблемы

Поняв, что опасность миновала, Ваня вылез из-под стола и потянул за собой слабо сопротивляющуюся Обломову. Увидев Анастасию, Лиза охнула и боязливо приблизилась к ней. Егор, все также стоявший на коленях возле жены, вздрогнул, когда рука сына легла ему на плечо.

– Папа, нужно вызвать скорую!

Егор покачал головой – скорая тут не поможет. Обломов, глядя на лицо Анастасии, согласилась с Ваней:

– Нужно-нужно! Ей поставят какую-нибудь капельницу...

– Какая, к черту, капельница! – воскликнул Егор. – Ее заколдовали! И ни один врач никакой капельницей ее не спасет!

– Ну, если врач – волшебник... – протянула Лиза, понимая, какой бред несет: врачи-волшебники – это уже из области фантастики.

Егор изменился в лице – бледность сошла, глаза лихорадочно заблестели, и он, вскочив на ноги, яростно затряс Лизу, ухватив ее за локти:

– Точно! Точно! Лизавета, ты – гений! Да! Как же я не подумал?!

Отпустив Обломову так же резко, как он схватил ее, Воронцов бросился к жене и, подхватив ее на руки, отнес в спальню на кровать. Затем, набрав на телефоне чей-то номер, стал в ожидании мерить шагами комнату. Лиза и Ваня, проследовавшие за Егором в спальню, удивленно наблюдали за его метаниями, пока он не воскликнул:

– Олег! Привет! Послушай, у меня большие проблемы, и мне срочно требуется твоя помощь!

Ваня неожиданно понимающе улыбнулся и, на вопросительный взгляд Лизы ответил шепотом, чтобы не мешать беседе отца:

– Лиза, ты, и правда, гений! Папа звонит Олегу Ярославичу! Он доктор и папин друг. И волшебник!

Лиза криво улыбнулась, понимающе промычав, хотя на самом деле, ей казалось, что она быстрыми темпами теряет рассудок. Егор в это время продолжал разговор по телефону:

– Приезжай быстрее!.. Давай на скорой, если по-другому никак... Быстрее, пожалуйста!.. Ну да, ты прав – теперь время роли не играет... Хорошо. Жду тебя.

Воронцов швырнул трубку в сторону и, не переставая наворачивать круги по комнате, запустил руки в волосы, что-то бормоча себе под нос и, кажется, не замечая, застывших в дверном проеме сына и секретаря. Через минуту он остановился и, полностью взяв себя в руки, повернулся к Лизе и начал давать указания:

– Лизавета, отмени все приемы. Позвони в издательство – статьи в этом месяце не будет... Если только ты сама ее не напишешь! Давай, сейчас же обзвони всех клиентов – соври им что-нибудь! Меня не будет не меньше недели. Так...

Егор хотел сказать еще что-то, но увидел в окно подъезжающую к дому скорую.

– Олег! – воскликнул Воронцов и бросился к входной двери, поджидать там своего приятеля – доктора-волшебника.

Лиза недоумевала, как тот мог приехать так быстро, но Ваня, сделав неопределенное движение рукой, пояснил загадочным голосом:

– Магия...

Обломова вновь кивнула, скорчив недоверчивую рожицу, и отправилась в прихожую поглядеть на этого Олега Ярославича. Ваня же подошел к лежащей на кровати матери и попросил прошептать над ней пару волшебных слов, которые, естественно, не помогли. Мальчик разочаровано вздохнул, но, в общем, он не был расстроен так, как его отец. Ваня гораздо сильнее беспокоился, если бы Анастасия просто заболела. А так... Это же всего лишь колдовство! Он и сам маг, так что, наверняка, сможет справиться с этим заклятием, нужно только немного постараться. Отец вообще зря паникует. Даже странно, что он ведет себя так... взволнованно. Ладно, Лиза – она девчонка, не верит в волшебство и совсем не умеет колдовать. Но отцу шестьсот четыре года – он должен уже быть умудренным опытом и не впадать в истерики, особенно тогда, когда требуется спокойно обдумать ситуацию. Ваня сам удивлялся трезвости своих мыслей, но не сомневался в их правильности и был горд собой как никогда.

Когда в комнату вошел Олег Ярославич в сопровождении Егора и, таскающейся за ним по пятам, Лизы, Ваня оглянулся и вежливо поздоровался, не выпуская из рук ладошку матери. Глядя на Обломову, мальчик понял, что та удивлена, расстроена и напугана гораздо сильнее, чем он предполагал, и с сожалением подумал о том, что ему, наверняка, предстоит ее утешать. Ваня чувствовал себя от этого чуть ли не рыцарем, хотя предпочел бы, чтобы Лиза была менее чувствительной и более понятливой.

Олег и Егор подошли к Анастасии, врач провел ладонью у нее над лицом и, сказал только:

– Магический сон, разумеется.

Затем позвал из прихожей двух санитаров, приехавших вместе с ним, и, уложив с их помощью Анастасию на носилки, покинул квартиру, сопровождая больную до машины скорой помощи. В дверях он пожал руку Егору, попрощался с Ваней и кивнул Лизе, а затем, не сказав ничего, удалился.

– Олег отвезет ее к себе в клинику и, если что-то... если что – он сумеет оказать ей помощь, – объяснил Егор, не глядя ни на сына, ни на Лизу, когда дверь за врачом закрылась.

Воронцов немного помолчал, но, решив, видимо, окончательно объяснить все Ване, сказал:

– Это магический сон – твою маму заколдовали так, что она не сможет сама проснуться... – мальчик на это сдержанно кивнул, давая понять, что он и сам догадался, но Егор продолжил объяснения. – Заклинание не самое простое и... не самый простой волшебник его наложил. Семен... он... мне с ним ни за что не справиться! Я не могу снять это дурацкое заклятие! – отчаянно воскликнул Воронцов, и Лиза даже подпрыгнула от этого возгласа. – Мне нужно кое-что сделать и тогда... я надеюсь... Настя проснется.

Воронцов отвернулся от сына и уставился на портрет Елизара. Помолчав минуту-другую – никто не смел нарушить тишину – Егор, собравшись с мыслями, повернулся к Лизе и решительно сказал:

– Поэтому, Лизавета, я прошу тебя остаться в нашем доме и присмотреть за Иваном. Он взрослый и разумный мальчик, но готовить не умеет, так что посторонняя помощь в мое отсутствие ему не помешает. И, кстати, ты еще никому не позвонила? Живо садись за стол и обзванивай клиентов!

Когда Лиза кинулась исполнять поручение, Егор обратился к сыну:

– Я уеду на неделю, а ты останешься с Лизой. Никуда не ходи, сиди дома! Я оставлю вам защиту, так что ничего не бойтесь. Успокоишь Лизу, ладно? Олег будет звонить каждый день, и говорить, как дела у мамы... Но не думаю, что там что-нибудь изменится. Ездить к ней не нужно. Если я все сделаю правильно – а я сделаю – то не позже чем через неделю она вернется домой.

Ваня молча слушал отцовские наставления, но когда тот, потрепав его по волосам, отвернулся, мальчик подал голос:

– Может, я поеду с тобой? Я тебе помогу.

– Нет уж! – резко ответил Егор. – Ты останешься дома. Хватит того, что случилось с Настей! Не нужно, чтобы еще и тебя кто-нибудь заколдовал...

Лиза тем временем объяснилась с последним клиентом – благо на следующей неделе их должно было быть немного – и, повесив трубку, ждала дальнейших распоряжений, решив в издательство позвонить попозже. Егор заметил это и почти бесцеремонно, вытащив девушку из-за стола, встал на ее кресло и потянулся к портрету Елизара. Тот явно оживился и, казалось, с нетерпением чего-то ждал, пока Егор чертил в уголках картины какие-то символы кусочком угля, непонятно откуда взявшимся у него в кармане.

– Что он делает? – прошептала Лиза, наклоняясь к самому уху Вани.

Но мальчик и сам не имел понятия о том, что же проделывает его отец, он только смутно догадывался, но озвучить эти догадки не успел, так как все его внимание было отвлечено происходящим на портрете, а вернее – с портретом. Елизар протянул руки к раме и ухватился за нее, Егор, увидев это, слез с кресла и отошел на пару шагов от Лизиногo стола. А Елизар вытянул из портрета руки и оперся ими на стену, потом весь подался вперед, влезая в комнату из картины, словно через форточку – вначале голова, плечи, торс, затем, перекувырнувшись через раму, юноша с шумом опустил ноги на Лизин рабочий стол и выпрямился во весь рост.

Если бы Лиза умела терять сознание от волнения, то она бы уже без чувств валялась на полу. Но у Обломовой были, как она с удивлением обнаружила, крепкие нервы, и девушка только вцепилась в плечо Вани, скривившегося от боли, но благородно позволявшего подруге такое проявление эмоций. Елизар сладко потянулся и что-то громко раздраженно пробормотал, хотя на лице его играла счастливая улыбка. Лиза не поняла ни слова из того, что сказал юноша, но была уверена, что он выругался. Егор стоял в сторонке и спокойно дожидался, пока Елизар слезет со стола. Наконец, тот легко прыгнул на пол и, скрестив руки на груди, посмотрел на Воронцова.

– Что ж... – Егор повернулся к Лизе и Ване. – Думаю, нет смысла представлять вам сего молодого человека. Это Елизар. Он будет во всем помогать вам, пока меня не будет. Во всем, Елизар, ты понял?!

На довольно грозный взгляд хозяина бывший портрет только усмехнулся. Егор, вздохнув, подошел к юноше ближе и, вновь повернувшись к сыну и замершей рядом с ним девушке, сказал Елизару:

– Ты тоже всех знаешь, так что должен понимать, что мой сын Иван всегда сумеет дать тебе отпор. А вот с Елизаветой Александровной я попрошу тебя вести себя прилично и постараться больше не дергать ее за волосы.

Елизар с лукавой улыбкой взглянул Лизе в глаза, подмигнул ей и ответил красивым юным голосом:

– Ничего не могу обещать.

Егор закатил глаза, раздраженно вздохнул, пробормотав себе под нос что-то вроде «и на кого я полагаюсь?», подошел к сыну и прошептал ему что-то на ухо. Ваня кивнул и, не обращая внимания на насмешливое фырканье Елизара, пообещал, что ни с ним самим, ни с Лизой ничего плохого не случится, пока Воронцова не будет дома. Егор спросил Елизара, понимает ли тот, что от него требуется, приказал никого не впускать и не выпускать, следить за Ваней, охранять его и всеми силами защищать при любой опасности. Юноша шутовски поклонился, ехидно спрашивая:

– Чего еще пожелает хозяин и повелитель?

Егор бросил короткое «Не дерзи!» и направился в кабинет. Лиза, отцепившись от Вани, как завороченная, подошла к висящему на стене портрету и ткнула в него пальцем, желая убе-

диться, что это всего лишь холст в раме. Так и было – ее пальчик уперся в твердую поверхность, на которой остался теперь лишь нарисованный фон. Обломова продолжала недоверчиво скрести по портрету под снисходительным взглядом Вани и насмешливым – Елизара, когда Егор вернулся из кабинета, распахивая по карманам, всевозможные амулеты и другие магические вещицы. Он подошел к двери, раскрыл ее, бросил долгий взгляд на сына и спросил, обратившись к Елизару:

– Я могу на тебя рассчитывать?

Юноша неопределенно пожал плечами и не ответил. Воронцов насупил брови и Елизар рассмеялся:

– Ладно! Я постараюсь вести себя хорошо и заботиться о твоём отпрыске.

– У тебя все равно нет выбора, – жестко заявил Егор, на мгновение помрачневшему от этих слов юноше. – Ваня, будь с ним осторожен – он мелкий пакостник! Но ты всегда можешь на него положиться – Елизар никогда не причинит тебе зла.

Ваня кивнул с очень серьезным видом. Егор сорвался с места, сжал сына в объятьях, затем выпрямился и, достав что-то из кармана, протянул мальчику.

– Надеюсь, она не пригодится, но в случае чего она тебе поможет, – пояснил Воронцов и, не удостоив взглядом Елизара и лишь слегка кивнув, не отходявшей от картины, Лизе, покинул дом.

Елизар со своей вечной ухмылкой молча уставился на Ваню, вертевшего в руках предмет, оставленный ему отцом. Лиза, все еще стоявшая около портрета, тоже взглянула на мальчика и с удивлением обнаружила, зажатую в его пальцах волшебную палочку. Волшебную палочку! Это могла быть только она... И вот тут-то девушка поняла, что разум покинул ее окончательно и бесповоротно.

Глава шестая, в которой Лиза теснее знакомится с Елизаром

Елизар в пятый раз открывал и закрывал холодильник с глупейшим выражением лица и совершенно детской улыбкой.

– Замечательная штукавина! – вынес свой вердикт юноша и начал выкладывать на круглый кухонный стол содержимое белоснежного, усыпанного магнитиками, чуда техники.

Сразу же после того, как Егор ушел, а Ваня успокоил, осевшую в кресле Обломову, Елизар заявил, что уже лет сто не ел человеческой пищи и прямо-таки приказал его угостить. Поэтому спустя минуту Ваня и Лиза сидели за столом, подперев головы, и наблюдали за игрой Елизара с холодильником. Лиза очень медленно приходила в себя – еще бы! Последний час был насыщенным! Анастасия, впавшая в летаргию, безумный Егор, двухмерное изображение, неожиданно ставшее трехмерным и заговорившее, да еще и волшебная палочка! Ваня, казалось, был абсолютно спокоен: за мать, оказавшуюся в надежных руках Олега Ярославича, он теперь совсем не переживал. Что до Елизара, то мальчик, хоть и был удивлен его преображением – он такого раньше не видел – шокирован не был, потому что мать однажды сказала ему, что Елизар не просто нарисованный, а настоящий человек. Ване не нравилось, что Лиза впала в ступор, но как привести ее в нормальное состояние, мальчик не знал, так что решил не переживать и из-за нее. Кто его действительно волновал, так это отец. Иван всей душой верил в него, но опасался, что в таком возбужденном состоянии, в котором Егор покинул дом, он мало чего сможет добиться.

Мальчик озабоченно вздохнул, но, будучи веселым девятилетним ребенком, долго тревожиться не мог, особенно если рядом происходили интересные вещи, и обратил все свое внимание на Елизара.

– Ты что, никогда не видел холодильника? – спросил Ваня, усевшегося за стол юношу.

– Нет. Когда бы? Меня все время помещали в прихожей! И только благодаря тому, что у некой барышни, – Елизар подмигнул и кивнул на Лизу, – было там рабочее место, я узнал, что такое компьютер.

– А телевизор? – продолжал расспросы мальчик.

– Телевизор знаю. Один раз, во время ремонта, меня перевесили в спальню – там я его видел.

Лизу покорило слово «перевесили» и она передернула плечами, но ничего не сказала. Елизар, не обращая на реакцию девушки никакого внимания, принялся за еду, пробуя все, что достал из холодильника: ветчину, сыр, овощи, фрукты, глазированные сырки, яйца, паштет и другие вкусные продукты. Было похоже, что юноша находится на вершине блаженства – он закрывал глаза, смакуя каждый новый вкус, а иногда, даже постанывал от удовольствия.

– Ты так голоден? – с нескрываемым сочувствием спросил Ваня.

Елизар тщательно прожевал своеобразный бутерброд из двух кусков сыра, завернутых в ветчину, закусил его виноградинкой и, проглотив все это, ответил:

– А ты как думал? Сто лет провести на пыльном портрете!..

– Но-но! – вскинулась Лиза, доселе сидевшая с равнодушным видом. – Я лично стирала с тебя пыль каждую неделю.

– Благодарствуйте! – с сарказмом откликнулся Елизар, недружелюбно стрельнув в Обломова взглядом. – И чем сидеть тут без дела, лучше бы чаю заварила.

Оскорбленная, но терпеливая Лиза встала из-за стола и с видом, выражающим всю глубину ее чувства собственного достоинства, нажала кнопку, включая электрический чайник.

– Класс! – прокомментировал Елизар, когда Лиза залила горячей водой чайный пакетик и подала чашку юноше: вероятно, и электрический чайник был ему не знаком.

Так же, как и чайный пакетик, который он с интересом разглядывал, а затем и распотрошил. Лиза, шумно вздохнув от неудовольствия, вытерла результаты Елизаровых исследований со стола и вновь уселась напротив юноши. Ваня задавал ему какие-то вопросы, Елизар весело отвечал, иногда сам что-то спрашивал... В общем, разговор легко завязался и спокойно протекал. Обломова же, не участвуя в беседе, откровенно рассматривала нового знакомого.

Елизара нельзя было назвать сказочным красавцем, но внешность его была, несомненно, приятна и довольно интересна. Выглядел он почти так же, как и на картине, но что-то неуловимо изменилось. «Объем появился! Елизар в формате 3D!» – самой себе с сарказмом пояснила Обломова. А еще – голос. И вместе с этим в десять раз возросла дерзость юноши – хотя об этом Лиза еще и не догадывалась. Сейчас она видела перед собой только привлекательное лицо в обрамлении золотистых волос, со светлыми лукавыми глазами и красивым ртом, почти не перестающим улыбаться. Ростом Елизар был не много выше Лизы, и назвать его высоким было бы несправедливо, но изящество и тонкость фигуры зрительно делали его более рослым. Одет молодой человек был странновато, но просто – в белую рубашку старомодного покроя и черные узкие брюки, такие, как на портретах начала девятнадцатого века. В ухе Елизара Лиза заметила серьгу с гладким зеленым камнем, а длинные пальцы юноши были унизаны кольцами. «Пижон!» – почему-то пронеслось у девушки в голове, и она поморщилась от этой мысли. Зато другая мысль ее больше заняла, а подумала Обломова о том, что происходящее с ней не может быть правдой. Ну не может сейчас сидеть напротив нее этот смазливый юнец и весело болтать с Ваней, съедая недельный запас продуктов! Это какая-то иллюзия! Точно. Совершенно точно. Но проверить стоило.

Лиза встала, не говоря ни слова, подошла к Елизару и ткнула его пальцем в плечо. Юноша, прекратив жевать, оторопело уставился на нее, таким же взглядом окинул подругу Ваня. Лиза, убедившись, что перед ней человек из плоти и крови (из плоти уж точно, а что там течет у него по венам еще нужно проверить!), вернулась на место, пробормотав:

– Извини.

Елизар помолчал немного, хмыкнул и спросил:

– И что это было?

Лиза не ответила. Она, отвернувшись к окну, перебирала пальцами свои короткие черные волосы, погрузившись в раздумья и не реагируя на окружающих.

– Она в своем уме? – прошептал Елизар, склоняясь к Ване и настороженно косясь на Обломова.

Ваня, обеспокоенным взглядом окинув девушку, так же шепотом ответил:

– Лиза не сумасшедшая! Она просто сильно удивилась. Она... не верит в волшебство.

– Не верит в волшебство! – громко рассмеялся Елизар, заставив Лизу резко обернуться. – Работает у волшебника и не верит в волшебство! Парадокс!

Ваня тоже улыбнулся, и Лизе это совсем не понравилось: Елизар может смеяться сколько угодно – с ним у Лизы, еще когда тот был нарисован, были не лучшие отношения, а вот насмешек от Ивана Обломова не ожидала.

– Не обижайся, Лиза! – попросил мальчик, увидев, как изменилось лицо девушки.

– Я не обижаюсь, – кротко отозвалась Лиза. – Я понимаю, что похожа на дурочку. Но, смею заметить, я выглядела бы менее глупо, если бы вы, молодые люди, соизволили объяснить мне, что здесь происходит.

– Буду я еще утруждаться! – фыркнул Елизар, отпивая из чашки.

Подобной наглостью терпеливая, но гордая Лиза была возмущена до глубины души, и это возмущение было выражено в восклицании:

– Ах, так!

Лиза вскочила, вырвала чашку у юноши из рук, расплескивая чай по столу, и швырнула ее в раковину. Затем начала складывать продукты обратно в холодильник под возмущенные возгласы Елизара. Несколько мгновений молодой человек просто наблюдал за действиями Лизы, но, поняв, что останавливаться девушка не собирается, вскочил и стал вырывать у нее из рук тарелку с колбасной нарезкой. На глазах Ивана перед холодильником развернулась маленькая, но яркая батальная сцена, итогами которой стали несколько разбитых яиц, разорванный пакет с соком и раздавленный помидор, на котором противоборствующие стороны и поскользнулись. Елизар и Лиза, сидя на полу, перепачканные яичными желтками, злобно глядели друг на друга, тяжело дыша. Взгляды серых и карих глаз, метали молнии, а от волос молодых людей, казалось, отпрыгивали искры. Раскрасневшаяся Лиза, старалась успокоиться и придать своему лицу нормальное выражение, побледневший же Елизар, не скрывал своего бешенства и был готов продолжить потасовку. Юноша и девушка на полу воронцовской кухни представляли собою разительный контраст, о чем не преминул заметить, стоявший над ними Ваня. Елизар тут же успокоился и, поднимаясь на ноги, согласился с мальчиком:

– Это точно! Мы как ясное небо и серая земля, как расписной плафон и глиняный пол, как...

– Вы бы прекратили сыпать антагонизмами, господин *пол*, – перебила юношу Лиза, – и лучше бы подали даме руку, а затем соизволили убраться за собой. Или хотя бы просто *убраться отсюда!*

Елизар отряхивался, даже не глядя в сторону девушки, которая, не дожидаясь, помощи галантного кавалера, сама поднялась на ноги, и, заставив с помощью волшебства исчезнуть все пятна со своей одежды, высоко вздернул подбородок и с достоинством произнес:

– Во-первых, я не вижу здесь дам. Во-вторых, это ты здесь совершенно лишняя, так что и убираться, во всех смыслах, следует именно тебе, разлюбезная Елизавета Александровна!

Говоря это, юноша прекрасно понимал, что Лиза не лишняя совершенно – ведь он не собирался сам заниматься приготовлением пищи и наведением порядка в доме в ближайшую неделю. Ладно, порядок можно было навести и с помощью магии, но вот кулинария – это тоже своеобразный вид волшебства, Елизару, к сожалению, не доступный. Но очень уж хотелось

поставить девчонку на место, потому юноша и не удержался от дерзкого замечания... Ваня, в это время при помощи волшебной палочки, очищающий одежду девушки, увидев пылающий взгляд Лизы, хотел было что-то сказать, вставая между молодыми людьми, но Елизар, бесцеремонно отстранив мальчика, продолжал, уставившись на Обломова:

– И вообще, по какому праву ты распоряжаешься в этом доме?

– По тому праву, что меня оставили здесь за старшую! – Лиза гордо вскинула голову, отбрасывая со лба растрепавшуюся челку.

– Я старше тебя на несколько сотен лет! – насмешливо отозвался Елизар.

– А по виду не скажешь.

Елизар был только польщен таким замечанием и, пригладив волосы, произнес величественно:

– Да. Волшебники часто выглядят молодо для своих лет.

– Ага! – с сарказмом отозвалась Лиза. – Только ты выглядишь, как мальчишка!

Выражение лица Елизара изменилось так, что даже Ване стало страшно – видимо замечание девушки, сильно задело болезненное самолюбие молодого человека. Обломова поняла, что сказала лишнее и, испуганно пискнув, бросилась вон из кухни от рванувшего следом за ней Елизара. Ваня остался стоять, где стоял, и оглядывать под доносящиеся со стороны прихожей визги и угрозы, разгром на бывшей еще час назад идеально чистой кухне. При этом мальчик улыбался и думал о том, что благодаря Лизе он за полгода уже почувствовал, как хорошо было бы иметь старшую сестру – если бы ею была Обломова. Теперь же ему пришло в голову, что наличие еще и старшего брата делало бы его жизнь более разнообразной. Хотя, понял Иван, если бы Елизар и Лиза всю жизнь были бы ему родными братом и сестрой, то неприятных воспоминаний в этой его жизни, как и синяков, было бы у него гораздо больше...

Глава седьмая, в которой Елизар просвещает недалекую Лизу

Хоть Лиза и была довольно слабой девушкой, сражение с Елизаром она в этот раз выиграла, благодаря тому, что и слоники, и кукушка, и даже книги из кабинета Егора, куда она забежала в попытке спрятаться от разъяренного юноши, встали на ее защиту. А вскоре подошел и Ваня, который не без помощи волшебной палочки разнял сцепившихся молодых людей.

Теперь все трое сидели в гостиной – Лиза с Елизаром на диване, а Ваня, строго глядя на них – в кресле напротив. Только что детскими устами была прочитана лекция о недостойном поведении и нарушении указаний Егора. Мальчик попытался с абсолютно серьезным видом пристыдить старших друзей, но этот серьезный вид совершенно не вязался с несерьезной внешностью и детским голосом, а потому воспитательная беседа только позабавила провинившихся. Но и это было большим плюсом, потому что воинственное настроение бесследно испарилось. Ну, может и не совсем бесследно, но, по крайней мере, не собиралось возвращаться в ближайшие несколько часов.

– Не понимаю! – в заключении воскликнул Ваня. – Вы же дружили, пока Елизар был картинкой!

Лиза, скривившись, покосилась на Елизара, глядевшего на нее с презрительным выражением лица, и протянула:

– Ну, если то, что этот субъект постоянно корчил мне рожи, портил прическу и очень больно дергал за волосы, было проявлением дружбы с его стороны, то не хотела бы я быть его врагом.

– Я просто шутил, – отозвался Елизар невинным голосом, закатывая глаза к потолку.

– Хороши шутки! – Лиза снова обретала боевой настрой.

– А нечего было мурлыкать себе и мне под нос всякие дурацкие песенки! Раздражает!..

– Тебе не нравится, как я пою?

– Мне не нравится, *как часто* ты это делаешь!

– Мне тоже, много чего не нравится, но я же терплю!

– Это делает тебе честь.

– Ты невыносим!

– А ты думаешь, отчего меня запихнули на портрет?!

– О да! Полагаю, другого способа заставить тебя замолчать, не существует! – язвительно бросила Лиза, хотя в последней фразе Елизара сквозила такая неприкрытая горечь, что девушке стало его жалко.

Действительно, не сладко, должно быть, провести на портрете (пускай и не пыльном ее стараниями) столько лет. Лиза бы тоже бросалась на всех подряд после такого... Определенно стоило наладить отношения.

– Ладно, – хлопнула по коленям Обломова. – Мы с тобой не поняли друг друга, Елизар. Предлагаю простить друг другу причиненные за последние пару часов обиды и постараться найти общий язык.

Лиза протянула Елизару руку, но, видя, что тот не стремится ответить на ее дружеский жест, добавила:

– Хотя даже, когда ты был картиной, ты мне не нравился.

Юноша усмехнулся и все же пожал Лизе руку.

– Теперь же, когда мир заключен, я попрошу тебя все же объяснить мне, глупой, что же происходит, – продолжила девушка, не выпуская руки Елизара. – Во-первых, кто ты такой? Отчего тебя засунули на портрет, мне теперь понятно, но вот как ты позволил это с собой проделывать, я не представляю. Не расскажешь? Далее! Куда ушел Егор? Что с Анастасией? Кто этот жуткий старикашка, заявившийся сюда с этой «розовенькой» дамочкой? Да и она кто такая? И главное, что мне-то делать? Егор меня здесь в качестве домработницы, что ли оставил?!

Ваня поддержал Лизу, потому что ему самому было непонятно, что же происходит, и Елизару, который явно хотел, чтобы его подольше поуготоваривали, ничего не оставалось, как ответить-таки на вопросы.

– Так уж и быть, – махнул юноша рукой, выражая всем своим видом, что он делает огромное одолжение, просвещая невежественных Обломову и младшего Воронцова. – Начну с конца: да, Лиза, тебя оставили здесь именно, как домработницу, потому что ни на что другое ты не годишься. И не нужно возмущаться! Между прочим, телефон на твоём рабочем столе звонит уже пять минут, а ты этого даже не заметила, следовательно, секретарь из тебя никудышный...

Лиза, только сейчас обратившая внимание, на непрекращающийся трезвон из прихожей, бросилась вон из гостиной выполнять свои секретарские обязанности, не забыв на ходу потребовать, чтобы без нее ни о чем не говорили. Объяснившись с клиентом, Обломова вспомнила, что нужно еще позвонить в издательство. Решив, наконец, эту проблему, Лиза с чистой совестью включила автоответчик, выключила компьютер и вернулась в гостиную, где, не смотря на ее просьбу, Елизар продолжал разяснять Ване происходящее. Вид у мальчика при этом был удивленный и недоверчивый, но из-за чего произошла такая метаморфоза, Лиза не узнала, потому что надменный Елизар отказался повторять то, что он уже успел рассказать в отсутствие девушки. И заставить его не представлялось возможным. Поэтому Лизе пришлось удовольствоваться лишь последующим повествованием.

– Я надеюсь, ты знаешь, что такое магический долг? – вещал Елизар, обращаясь исключительно к Ивану, кивнувшему в ответ на его вопрос. – Отлично! Так вот, твой отец, по собственной глупости, однажды оказался обязан одному, скажем так – не очень хорошему человеку. Хотя я сильно сомневаюсь в том, что он вообще человек... Но не об этом речь. Дело в том, что Воронцов получил отсрочку на четыреста лет. Довольно странный срок, вообще-то... В общем, получив отсрочку, Егор успокоился и, попереживав лет двести, обо всем благополучно забыл! Не совсем, конечно – о таком не забудешь. Но счет времени потерял однозначно.

Поэтому визит Семена его очень удивил и, скажу честно, не порадовал, – Елизар усмехнулся – и совсем не по-доброму – видимо Егора ему было не жалко ни чуточки. – Воронцов, конечно, попытался, как можно безболезненнее для себя решить проблему, но ему это не удалось. Чего и следовало ожидать! Но долги платить никому не нравится. Не знаю, на что там Егор надеялся, но в срок он не уложился. А досталось за это Настеньке! Как всегда – невинные страдают... – юноша тяжело вздохнул и картинно всплеснул руками, видимо себя, считая тоже несчастной жертвой. – Ну, и теперь, если за неделю Воронцов не рассчитается с Всеволодом Болотным – тот самый «нехороший» человек – то с женою простится, извините за банальность, на веки вечные. А если и это на него не подействует, то боюсь, Иван, следующим пострадавшим из-за глупости твоего родителя, будешь ты.

Елизар смахнул несуществующую слезу и шмыгнул носом, хотя сдержаться от улыбки так и не смог. На осуждающий взгляд Лизы он не обратил ни малейшего внимания, но вот печальный вид Вани, бесчувственного юношу растрогал, и Елизар с искренним сочувствием посмотрел на мальчика:

– Тебя мне правда будет жаль.

Иван не ответил, будучи занят какими-то своими, явно не детскими мыслями. Лиза, мало чего понявшая, решила с помощью уточняющих вопросов, прояснить для себя смысл сказанного, так как Елизар, по-видимому, считал, что разъяснил все достаточно четко, да и Ваня, казался абсолютно разобравшимся в ситуации.

– Эээ... Елизар, а что именно должен Егор этому Всеволоду... как там его дальше? Болотному?

Елизар откинулся на спинку дивана, закинув ногу на ногу и, насмешливо глядя на Лизу, протянул:

– Ааа... Ты же ничего не знаешь о магическом долге, да? – Елизар замолчал, наслаждаясь, любопытством Лизы, буквально исходящим от нее волнами.

– Да, не знаю, – сдержанно подтвердила Обломова, начиная раздражаться.

Елизар кивнул, но заговорить не спешил. Лиза поняла, что юноше хочется, чтобы она стала его спрашивать и, хоть девушку и не устраивало такое поведение собеседника, любопытство было сильнее и, самым вежливым тоном она попросила:

– Ты не мог бы меня просветить на эту тему, любезный Елизар? Пожалуйста.

Любезный Елизар, услышав слово «пожалуйста», решил смириться над недалекой Обломовой и снизить до некоторых разъяснений.

– Ладно, сделаю тебе одолжение. Но я искренне не понимаю, зачем Воронцов взял на службу девчонку, не имеющую ни малейшего понятия о магии! А мне теперь мучиться с твоей безграмотностью, – увидев нахмуренный обиженный вид девушки, юноша, казалось, был полностью удовлетворен и готов продолжить разговор без дальнейших оскорблений. – В общем-то, все просто: если тебе требуются какие-либо неоценимые услуги другого мага, ты можешь заключить с ним договор, в котором будет указана услуга, что он тебе окажет, и цена за нее, которую ты заплатишь. Заключается такой договор очень просто и в любой форме – подписывать кровью необязательно, – Елизар усмехнулся и, видя признаки слишком медленной работы мысли на лице Обломовой, продолжил пояснения. – Допустим, волшебник спас тебе жизнь – по твоей просьбе – за это ты должен отслужить ему какое-то время. Все просто, не так ли? – Лиза кивнула, и Елизар продолжил: – Цена бывает разной, в зависимости от услуги. Егор задолжал много. Не знаю из-за чего – я с ним тогда еще не познакомился, а рассказывать он мне ничего об этом не стал. Но я знаю цену – триста лет службы. Стандартный срок. Но вряд ли Воронцов еще столько протянет – он и так живет уже слишком долго даже для волшебника. С его-то образом жизни! Это он последние лет десять присмирел, а как он кутил лет сто назад! Хо-хо! Тогда в его доме было куда веселей!

– Ты снова отвлекаешься, – перебила, ударившегося в воспоминания, Елизара Лиза.

– Разве? Я, кажется, все сказал.

– Объясни, почему служба на этого Всеволода так ужасна?

– Служба ужасна сама по себе и не важно, кто твой хозяин! – горячо воскликнул Елизар. – Ты становишься бесправным слугой и исполняешь все приказы господина! А они бывают не самыми легкими и не самыми приятными. Проще говоря, твою магическую силу нагло используют в своих целях! А уж с таким хозяином, как Всеволод, Воронцову и надеяться нечего на счастливый исход своей службы. Я с ним, правда, не знаком, но говорят, что Всеволод считает так: если уже не можешь выполнять приказы, то просто передаешь ему все свои силы, а там уж с тобой будь, что будет! Удивительно бесчувственная личность!

«Кто бы говорил!» – подумала Обломова, глядя на Ваню, которого разговор Лизы и Елизара приводил в состояние, близкое к истерике.

– Все будет хорошо! – постаралась приободрить мальчика Лизавета, взяв его за руку.

– Я бы не был в этом так уверен, – авторитетно заявил Елизар, не обратив внимания на раздраженный взгляд Обломовой. – И по мне, так пускай себе Воронцов еще хоть год свои проблемы решает! Пока его нет – я на свободе.

– И тебе не жалко маму? – воскликнул Ваня, устремив на Елизара свои большие честные глаза.

Юноша покачал головой и произнес, возможно, даже искренне:

– Нет, Настеньку мне действительно жаль. Она всегда такая милая... Старалась почаще со мной поговорить... Пока некая девица не устроила себе рядом со мной рабочее место и, чтобы не травмировать ее психику, Настя, при ней со мной не общалась!

– Но ты же не мог разговаривать, пока был на картине! – возмутилась Лиза незаслуженным упреком.

– Мог! И слышал все прекрасно! Просто *при тебе* мне разговаривать не разрешалось. И поэтому *из-за тебя* мне не хватало общения.

Лиза открыла рот, собираясь сказать, что она развлекала порой Елизара своими монологами и обращенными к нему риторическими вопросами, но юноша, поняв ее, перебил, поясняя:

– Общения с *нормальными* людьми, Обломова. А Настенька такая чудная женщина... Из всех жен Воронцова она – самая лучшая на моей памяти. И что это вы смотрите так удивленно? Егору шестьсот лет! Не думаете же вы, что это его первый брак? Я знал восьмерых мадам Воронцовых, а уж, сколько их было до меня – не могу сказать. И все время его тянет на простушек – ни одной волшебницы! Наверное, потому что те долго живут и успевали бы надоесть...

– Елизар, заткнись! Не желаю слушать твоих рассуждений о браке. Нельзя тебя как-нибудь запихнуть обратно на картину? – Лиза казалась уставшей от болтовни и развязности юноши.

– Нет, Лизавета Александровна, вам от меня избавиться не удастся! Кроме Воронцова меня туда никто не загонит, – Елизар нагло улыбнулся.

Он был доволен свободой, доволен собой и чувствовал себя почти королем по сравнению с, ничего не смыслящей в колдовстве, Лизой и, ничего еще не умеющим, Ваней. Чувство собственного превосходства излучалось каждой клеточкой тела Елизара, и на лице его играла самодовольная улыбка. Правда, это продолжалось только до тех пор, пока юноша не заметил, светившееся во взгляде Обломовой, понимание.

– Чего это ты на меня так смотришь? – настороженно покосился на девушку Елизар, отодвигаясь от нее подальше.

– А я все поняла! – широко заулыбалась Лиза. – Ты, так же как Егор, вляпался в неприятную историю много лет назад! Я права? Конечно, я права! И оказался должен господину Воронцову. И сколько тебе нужно ему прослужить? Ой, не отвечай! Кажется, я догадываюсь

– триста лет, верно? Ага... Но что ж ты на картине делал? Неужели так достал Егора, что он не выдержал и запрятал тебя на портрет? Хотя я его понимаю... И теперь ты, милый Елизар, словно джин из бутылки! Сидишь годами без дела, а как понадобилась твоя помощь – пожалуйте! И правда, почему тебя не запихнули в бутылку или в лампу? Хотя бы глаза не мозолил своим смазливym личиком!

Елизар бледнел все больше и больше, и уже сравнялся по цвету с потолком, когда Ваня решил прервать, сочащуюся ядом отмщения, речь Обломовой:

– Лиза, если Елизар сейчас снова начнет за тобой гоняться, я его останавливать не стану, – на возмущенный взгляд девушки Иван насупился и пояснил: – Ты говоришь очень обидные вещи. Ты ничего в этом не понимаешь!

Лиза, оскорбленная уличением в невежестве со стороны девятилетнего ребенка, вскочила на ноги и, ткнув пальцем в бледное, но уже принимающее обычное язвительное выражение, лицо Елизара, воскликнула:

– Он первым начал! Он издевался надо мной, как только мог в течение полугода. И вот когда мне представился случай ответить ему тем же, мне не дают и слова сказать! И это ты, Ваня – мой друг! Я вообще ушла бы от вас, если бы не мое гипертрофированное чувство ответственности! Мне не нравится все это колдовство, я ничего не понимаю, я переживаю! Мне не нравишься *ты*, Елизар! Нет, правда – картиной ты был лучше. Хотя бы не разговаривал. Но поскольку я не могу бросить беспомощного ребенка то, разумеется, останусь здесь. И попрошу вас, господин Елизар, быть поуважительнее и оставить ваши хамские манеры!

Елизар тоже встал на ноги, скрестил руки на груди и, приблизившись к Лизе, навис над девушкой, насколько позволял его не самый высокий рост:

– Знаешь, что, Обломова? Посмотрел бы я на тебя на моем месте! В конце концов, я имею право отвести душу после долгих лет заключения! А что касается хамских манер, Лизавета Александровна – на себя бы посмотрели! И, между прочим, ты мне не ровня и я могу задирать нос, сколько хочу, и так высоко как мне вздумается!

– Не ровня ему! Вы только послушайте! Ты – зазнавшийся самовлюбленный антиквариат! Я буду злорадно смеяться, когда Егор отправит тебя обратно на холст!

Лиза тыкала тонким пальчиком в грудь Елизара, пытаясь, вероятно проткнуть ее насквозь. Елизар раздувал ноздри и свирепо глядел на девушку, в то время как от его волос отлетали синие искры, парочка которых прожгла крохотные дырочки на майке Обломовой. Ваня со скучающим видом наблюдал за взрослыми, но глупыми друзьями, доставая из кармана волшебную палочку. Улучив момент, когда Лиза замолчала, а Елизар еще не начал ей отвечать, а потому на мгновение наступила напряженная тишина, мальчик негромко сказал насмешливо:

– Смею напомнить, что у меня есть волшебная палочка, и если вы двое не хотите превратиться во что-нибудь противное то вам лучше успокоиться.

Лиза вспыхнула (и в прямом и в переносном смысле, так как помимо того, что она густо покраснела, так еще и майка на ней все-таки загорелась), Елизар презрительно скривился и отвернулся, даже не пытаясь затушить, загоревшуюся его стараниями, одежду на взвизгнувшей девушке. Ваня направил на Обломову волшебную палочку, и майка тут же перестала тлеть, а все дырочки на ней затянулись.

– Даже не знаю, как я выдержу с вами целую неделю! – сокрушенно покачал головой Иван и, глядя на его серьезное лицо, ни Лиза, ни Елизар не удержались от улыбки.

Глава восьмая, в которой Лиза и Елизар почти находят общий язык, а Ваня решается на отчаянный поступок

Часов в шесть вечера Лиза, скрепя сердце, оставила несчастного Ивана на попечение безответственного Елизара и отправилась домой, чтобы забрать кое-какие вещи, да еще загля-

нула в магазин, накупив провизии на недельку на деньги, заботливо оставленные Егором на ее рабочем столе (и когда успел?). Перед отъездом Обломова очень серьезно посмотрела на, провожавшего ее до двери, Елизара и строго спросила:

– А ты не сбежишь в мое отсутствие?

Елизар саркастично улыбнулся и заверил девушку:

– Я не могу покинуть дом из-за приказа Воронцова. Так что не переживай.

Лиза кивнула и, успокоенная, отправилась по своим делам. По дороге домой девушка размышляла над тем, где она ляжет спать, и пришла к выводу, что займет очень удобный диван в гостиной – там, к тому же, был телевизор. А Елизар пусть отправляется в кабинет Егора – пускай слоники будят его в два часа ночи, трубя в свои хоботы, а кукушка совет гнездо из его, а не из Лизиных волос! Вернувшись к десяти вечера, нагруженная пакетами с продуктами, девушка обнаружила Елизара развалившимся на диване перед телевизором, а Ваню – запершимся в своей комнате. Обеспокоившись состоянием мальчика, Лиза попыталась было через дверь произнести одну из успокаивающе-наставительных речей, позаимствованную из репертуара Воронцова, но Ваня мягко, но твердо прервал Обломову, попросив оставить его в покое. От предложенного, через полчаса ужина мальчик также отказался, заявив, что он вообще уже лег спать. Лиза, не найдя в подобном поведении ничего подозрительного, перестала беспокоить ребенка и больше в его комнату не стучалась.

Елизар, в отличие от младшего Воронцова от еды не отказался и с независимым видом уселся за стол, как только услышал об ужине. Юноша милостиво позволил Лизе подать ему наполненную едой тарелку и налить теплого молока, что девушка делала лишь из вежливости, без какого-либо удовольствия, к удивлению Елизара. Лиза села напротив юноши, строившего недовольные мины в процессе пережевывания пищи. Обломова старательно игнорировала недовольство Елизара, и не нарушала молчания, царившего за столом. Через пару минут Елизар все же не выдержал и спросил капризным тоном:

– А на ужин у нас только *это*?

Юноша поднял на уровень своих глаз, подцепленные на вилку, длинные макароны и уставился на них так, будто это были не макаронные изделия, а слизьяки, неизвестно откуда взявшиеся в его тарелке.

– *Это* – макароны, господин Елизар. А если вы хотите чего-то еще – приготовьте сами.

– Жестокая женщина, – прошептал Елизар, сокрушенно качая головой.

Вновь воцарилось молчание. Елизар сидел прямо, ловко орудуя ножом и вилкой, аккуратно пережевывал пищу и не ставил локти на стол. Лизе не хотелось ударить в грязь лицом и она всеми силами старалась вести себя не менее прилично, чем ее сотрапезник. Ужин протекал в приятной для обоих молодых людей, не питавших друг другу в данный момент дружеских чувств, отчужденно-чопорной обстановке. Лиза видела, что Елизар удивлен и недоволен тем, что из напитков ему предложили лишь молоко, но ничего не сказал и выпил всю чашку. Покончив с едой, Лиза составила посуду в посудомоечную машину и, на волне хорошего настроения, довольно любезно предложила Елизару кофе. Юноша столь же любезно согласился и даже позволил себе улыбнуться чуть менее ехидно, чем обычно, что Лиза приняла за явный признак улучшения отношения к ней молодого человека. А шоколадное печенье к кофе окончательно растопило ледяную стену между упрямой, но доброй Лизой и надменным, но – где-то в самой глубине души – милым Елизаром.

– Чем вы тут занимались, пока меня не было? – поинтересовалась Лиза, подсыпая еще немного печенья в вазочку.

Елизар пожал плечами и потянулся за конфетой. Лиза мысленно улыбнулась, заметив, что с помощью сладкого самовольным юношей, оказывается, можно легко управлять – после парочки конфет настроение Елизара стремительно приближалось к самой высокой отметке.

– Ничем, – ответил юноша. – Просто болтали, пока Ванька не ушел к себе.

– О чем болтали?

– Ой, да ты все равно не поймешь! – отмахнулся Елизар, слегка улыбнувшись. – Ты же в магии полный профан!

Лиза обиженно вздохнула, но поспорить с этим утверждением не могла, поэтому решила перевести разговор на другую тему.

– Ты наелся?

– Да. Благодарю, – Елизар удовлетворенно кивнул. – А ты собираешься мыть посуду?

– А почему, собственно, я?! – возмутилась Лизавета.

– Кто из нас женщина? – задал риторический вопрос Елизар, отставляя в сторону, пустую чашку.

Лиза ухмыльнулась:

– Женщина, конечно, я. А благодаря твоему вопросу, мы еще и узнали, кто из нас шовинист.

– Пф! – Елизар в ответ только и сделал, что фыркнул, но Лиза сильно подозревала, что юноша просто не знает значения слова «шовинист».

Обломова улыбнулась и просветила собеседника:

– Если хочешь знать, то существует потрясающее чудо техники, называемое посудомоечной машиной, которое без моей помощи перемывает всю грязную посуду.

– Даже так? – удивился Елизар. – Ну, что ж, ладно. Тогда, можешь отправляться спать. Только... Слушай, Обломова, за Ванькой стоит внимательней присматривать.

Голос юноши и его взгляд были серьезны, и в душе Обломовой поспешила расцвести тревога.

– Что ты имеешь в виду? – забеспокоилась Лиза и подалась вперед, склоняясь над столом и понижая голос. – Думаешь, с ним тоже могут что-нибудь сделать? Как с Анастасией?

Елизар поморщился, недовольный тревожным выражением лица Лизаветы, и отмахнулся:

– Я не о том. Конечно, с ним могут что-нибудь сделать, но только если его папаша опять окажется не в состоянии справиться со сложной ситуацией. И, конечно, мальчишке куда сложнее навредить, чем Насте. Не забывай, что Иван волшебник, и будет достаточно силен через пару десятков лет. Если доживет... Не делай ты такие круглые глаза! Того и гляди выскочат и по полу покатаются... – Елизар усмехнулся, глядя на, расширившиеся от страха за Ваню, глаза Обломовой. – Я хотел сказать, Лизавета Александровна, что нужно присмотреть за Ванькой, потому что он сам что-то задумал. Как бы чего не выкинул...

– Что, например? Если ты серьезно опасаясь неосмотрительных поступков с его стороны, то мы, конечно, можем запереть его в комнате. Снаружи, – добавила девушка, – так как изнутри он уже сам заперся.

– Я уже это сделал, – сказал Елизар и, достав из кармана ключик от Ваниной спальни, помахал им перед Лизой.

– И не посоветовался со мной?! – возмутилась девушка, пытаясь отобрать ключ, но Елизар быстро спрятал его обратно в карман.

– А почему я, собственно, должен был это делать? – пожал плечами юноша. – Присматривать за мальчишкой оставили меня, а ты здесь для того, чтобы мы не умерли с голоду.

– Ааа... Ну ладно. Тогда только ты и будешь нести ответственность, если с Ваней что-нибудь случится. И не смей меня к этому приплетать. Тебе приказали – ты и присматривай за ребенком, – Лиза решительно поднялась из-за стола. – Я иду спать. Выключишь на кухне свет, когда будешь уходить.

Лиза вышла из-за стола, вырвала из рук Елизара пустую чашку, которую он перекачивал в ладонях, отправила ее в посудомоечную машину и, запустив сие чудо техники, гордо удалилась в гостиную.

Стянув с себя джинсы, девушка улеглась на диване и закуталась в мягкий клетчатый плед. Несмотря на полный тревог и волнений день, у Обломовой не наблюдалось бессонницы – впрочем, она всегда спала очень хорошо. Щелкнув пультом телевизора, Лиза нашла какой-то музыкальный канал и стала засыпать под звуки поп-музыки. Последней мыслью, посетившей ее перед тем, как сознание радостно отключилось, было то, как же все-таки хорошо быть флегматиком.

Лиза уснула так быстро, что даже не слышала, как через несколько минут после ее ухода с кухни, Елизар, выключил свет и прошел мимо гостиной, шурша конфетным фантиком. В голову юноши закралась мысль заглянуть в Ванину комнату и проверить все ли с мальчиком в порядке, но врожденное разгильдяйство предложило не беспокоиться по мелочам, а идти спать. А не спал Елизар уже очень-очень давно и был совсем не прочь предаться столь приятному занятию, поэтому, минуя комнату Ивана, юноша направился напрямик в хозяйскую спальню.

Ваня же в это самое время тихонько складывал вещи в рюкзак и заводил будильник на семь утра – с вечера предпринимать ответственные действия было бы неразумно, и потому мальчик предпочел выспаться, а претворением в жизнь своих планов заняться утром. А если истинный Воронцов что-то решил, то он обязательно это исполнит! Так что в семь тридцать утра Ваня сидел на подоконнике, свесив ноги на улицу, и искренне радовался тому, что Лиза такая наивная, а Елизар такой безответственный. Обладая природной способностью видеть людей насквозь, мальчик не сомневался, что Обломова, склонная всему находить рациональное объяснение, будучи даже очень удивлена или напугана, произошедшими событиями, постарается успокоить саму себя и, мысля объективно, решит, что утро вечера мудренее, а значит нужно хорошенько выспаться и уже завтра решать проблемы по мере их поступления. А хорошенько выспаться означало – спать часов до десяти как минимум. Елизара же Ваня успел хорошо узнать, когда тот еще был картиной – а характер, что у нарисованного, что у настоящего Елизара был одинаковый. Иван знал, что послушаться приказов его отца юноша не может, но понимал также, что рвения в исполнении обязательств Елизар проявлять не станет.

Эти доводы Ваня прокручивал в голове весь вечер, и они помогли ему принять решение. Только теперь, сидя на подоконнике, мальчику предстояло еще выдержать бой с собственной совестью, с которой он забыл договориться, продумывая план рискованной операции. Иван понимал, что последствия его поступка могут быть ужасными. Но, скорее всего, все будет хорошо... По крайней мере, он хотел в это верить. Совесть отмахнулась от этой мысли, нехотя соглашаясь и намекая, что есть кое-что другое, о чем следует подумать. «Что же будет с Лизой, когда она с утра не обнаружит тебя в комнате?» – поинтересовалась совесть. Да, признал Ваня, Лиза будет в шоке... Но она быстро придет в себя – она ничему не удивляется, так что... И потом, Елизар ее успокоит! «Ага! – воскликнула совесть. – Есть еще и Елизар! Думаешь, он не будет волноваться?», на что Ваня скривил губы в саркастической (как ему показалось) ухмылке, и даже совесть, поняв абсурдность своего вопроса, тихонько рассмеялась: Елизар уж точно переживать не станет.

Когда победа над совестью была одержана, Ваня поправил на плечах лямки рюкзака, достал из кармана волшебную палочку и взглянул вниз. Три этажа... Да, высоко. Но Ваня не собирался останавливаться из-за столь незначительных препятствий. Нужно, только вспомнить, как отец учил его замедлять падение. Так, нужно спрыгнуть из окна и постараться полететь... Как-то так. Звучит очень просто, но почему-то мальчику эти действия казались трудноосуществимыми. Но у него есть волшебная палочка, так что, если он начнет падать быстро, то наколдует на земле батут! Если успеет... Ваня глубоко вздохнул, почувствовав, что страх подкрадывается все ближе к его разуму. Но ведь ему было всего девять лет, а в этом возрасте редко боишься сломать шею, и высота трех этажей не кажется такой уж большой, чтобы не попытаться прыгнуть с нее. К тому же, отступить было поздно.

Ваня поднялся на ноги, произнес несложное заклинание для того, чтобы его полет остался незамеченным случайными прохожими и, крепко сжимая в руках волшебную палочку, указывая ею на себя, шагнул вперед. Мысль работала быстро-быстро – мальчик пытался с точностью повторить все именно так, как когда-то объяснял ему Егор, всей душой желая спланировать, а не грохнуться на землю.

Это оказалось и вправду очень просто! Конечно, если ты потомственный волшебник и тебя уже обучали таким образом спускаться с высоты. И, разумеется, волшебная палочка тоже помогла. «Скорее всего, именно она и сделала все!» – подумал Ваня, когда его ноги коснулись земли. Пусть так! Но Ваня был настолько рад, тому, что все получилось удачно, что ему было все равно – только ли его силами было совершено волшебство или же все дело в полезном артефакте. Он только звонко чмокнул волшебную палочку, положил ее в карман и, снова поправив лямки рюкзака, с улыбкой зашагал по улице.

Глава девятая, в которой Егор восстанавливает семейные связи

Пока Лиза удивлялась чудесам, Елизар радовался свободе, а Иван продумывал авантюры, Егор спешил разобраться с неприятными делами и исправить ошибки молодости. Первым делом он отправился в клинику, которой заведовал его друг – доктор и по совместительству волшебник – Олег Громов. Воронцов хотел убедиться, что с Анастасией все в порядке и взглянуть, как ее устроили. Постояв недолго возле жены, прошептав над ней пару защитных заклинаний, Егор отправился в кабинет Олега.

– Ну и что ты теперь собираешься делать? – спросил Громов, глядя на осунувшегося Егора, устало потирающего лицо ладонями.

– Пойду к Всеволоду. Попробую договориться о замене моей «несравненной» персоны на моего слугу... – без энтузиазма ответил Воронцов.

Олег, вздрогнул от этих слов, удивленно подался вперед и воскликнул:

– Хочешь отдать ему Елизара?! – дождавшись утвердительного кивка, Олег откинулся в кресле, недоверчиво качая головой. – Егор, Всеволод не дурак. Я бы ни за что не согласился на такой обмен.

– Я все же попытаюсь, – твердо заявил Егор и скрипнул зубами. – Мне больше ничего другого не остается. Все остальное я уже перепробовал.

– Кстати, что ты делал всю неделю? – поинтересовался Громов. – Неужели, ничего за это время не добился?

Егор покачал головой:

– Ничего. Я ходил к адвокату – надеялся, что как-то можно разорвать договор. Я подумал, что Всеволод мог что-нибудь упустить... мало ли... Но ничего подобного! Договор нерасторжим. Тогда я навел парочку вконец опустившихся магов, предлагал им за большую плату заменить меня в договоре. Не смотри на меня так – это вполне законно! – быстро произнес Егор в ответ на шокированный взгляд друга. – И Всеволод не смог бы отказаться. Но ничего не вышло. Даже не знаю, на что я надеялся... Я даже предложил Всеволоду через Семена все, что только мог – деньги, свои артефакты, любые услуги – взамен аннулирования сделки. Но он отказался! Так что теперь у меня остался только Елизар.

Олег оценивающе глядел на Егора, опрокидывающего в себя третью стопку коньяка, и спросил негромко:

– И тебе не жалко мальчишку?

– Елизара?! – изумился Воронцов. – Да мне скорее жалко Всеволода, если тот согласится на мое предложение!

Олег нахмурился и что-то неодобрительно пробормотал. Егор разозлился, видя реакцию друга, и заявил:

– Ты просто не знаешь, что такое Елизар! Воплощение непредсказуемости и легкомыслия, что в сочетании с его магическими способностями, легко может привести к непоправимым последствиям!

– У тебя такое лицо, когда ты о парне говоришь, будто он чудовище какое-то, – засмеялся Олег. – А по мне так он всего лишь легкомысленный мальчишка, ни в коей мере не представляющий угрозы для общества. Мне было бы его жалко. Сколько он еще должен тебе служить?

– Сто лет, – ответил Егор тихо.

– Сто! А ты собираешься обречь его на триста долгих лет с Всеволодом! Слушай, тебя совесть не мучает?

Егор, которого все же начинала потихоньку, но зато изощренными способами, мучить совесть, вскочил с дивана и, выпрямившись во весь рост, грозно посмотрел на Громова:

– Знаешь что? Даже если моя совесть позаимствует приемчики у инквизиции, лучше уж пускай Елизар батрачит на Всеволода, чем я! Можешь считать меня эгоистом, но у меня есть жена и ребенок, а Елизару не о ком беспокоиться, и никто не будет за него переживать. И какая ему, в конце концов, разница кому прислуживать?

– Действительно, – перебил друга Олег, – Всеволод, по крайней мере, не будет держать парня заключенным на картине...

Егор тяжело дышал, после яростно произнесенной речи, но взгляд его перестал метать молнии и после нескольких мгновений повисшего молчания, Воронцов сказал:

– Если хотел, чтобы мне стало стыдно, то ты своего добился, – Егор увидел улыбку Олега, но стер ее с лица друга своими словами. – Но своего решения я менять не собираюсь. Это мой последний шанс избавиться от кабалы! Но можешь сильно не переживать – скорее всего, Всеволод не примет моего предложения.

Олег махнул рукой, признавая безнадежность разговора. Он искренне не понимал, почему Егор так отпирается от уплаты долга, и зачем ему нужна была такая длинная отсрочка... Но если друг не собирается его посвящать в эти вопросы, то он не станет настаивать.

Воронцов вновь уселся на диван и, успокоившись немного, просительно взглянул на Громова:

– Олег, но я же могу надеяться на тебя?

Громов кивнул и ободряюще улыбнулся Егору:

– Не беспокойся. Что касается Насти, то с ней все будет в порядке под моим присмотром. Главное зависит от тебя, потому что если ее не разбудит сам Семен, то скорее всего, никто не разбудит... А о сыне ты позаботился?

Егор активно закивал головой:

– Конечно! Я с ним оставил свою секретаршу – она ответственная, спокойная, и в состоянии присмотреть за ребенком в течение нескольких дней. Они с Иваном дружат.

– Секретарша? – сощурился Олег, улыбнувшись. – Взъерошенная девчонка, с паникой во взгляде? Мдааа... Спокойной я бы ее не назвал. По-моему она была очень даже *обеспокоена*. Уверен, что она справится со столь ответственной задачей?

Олег улыбался, и Егор подумал, что друг в чем-то прав – Лиза на самом деле была не лучшей кандидатурой на роль няньки. Она даже не волшебница! А ее мысли можно читать как открытую книгу, написанную огромным шрифтом, да еще и с картинками. Просто находка для шпиона, а не девушка!

– С ней Елизар, – добавил Воронцов, с неудовольствием произнося это имя и видя удивление на лице Олега. – Вдвоем они как-нибудь разберутся. Если Елизар не замучает девочку...

– Ну, я надеюсь, что ты поднатаскал девчонку в психологии, так что договориться друг с другом они сумеют, – улыбнулся Громов. – Если хочешь, я могу позванивать им иногда?

– Нет, – отмахнулся Егор. – А вот Ивану на мобильный звони, пожалуйста, каждый день – говори, как дела у Насти. Не хочу, чтобы он сильно за мать переживал.

– Как скажешь, – пожал плечами Олег. – Но, думаю, за Ваню беспокоиться не стоит – невероятно разумный ребенок! Я бы на твоём месте больше из-за секретарши нервничал – ручаюсь, что Елизар и Ванька ее за эту неделю доведут, и она сбежит от них.

– Кто из нас специалист по психологии – ты и ли я? – возмутился Егор. – Если я сказал, что Лиза надежная, значит так и есть! Давай оставим эту тему. Я уйду. Позвоню тебе завтра, когда доберусь до Всеволода. Ну, и потом, когда все решу...

Воронцов встал с дивана и направился к двери в сопровождении Олега. На пороге он пожал другу руку и поблагодарил:

– Спасибо за помощь, Олег. Я твой должник... Не в прямом смысле! – быстро добавил он.

Оставив Громова смеющимся, но встревоженным, Егор отправился на своём автомобиле прочь из города, надеясь навестить там старую знакомую. Мысли Воронцова крутились лишь вокруг того, как убедить Всеволода Болотного взять на службу Елизара вместо него самого. Вот если бы заставить вздорного мальчишку добровольно заменить Егора по договору! Тогда бы Всеволоду не оставалось ничего иного, как согласиться. Но Елизар добровольно ничего не делает, так что придется предлагать его только, как слугу, а не как равного по силе мага – а в этом случае Болотный имеет полное право на отказ. Конечно, в глубине души, Воронцову было жалко юношу, тем более что они были знакомы так долго, но себя самого Егор жалел еще больше!

Иногда в эти неприятные мысли врываются еще более удручающие: о том, что может случиться с Анастасией, если Егор не договорится с Всеволодом, не отдаст долг или, не убьет Семена – что было уже крайним вариантом. Один раз Егор засомневался в том, разумно ли было оставлять сына с Елизаром? Лиза, конечно, была рядом, но если Елизар взбунтуется, то у девушки почти нет шансов с ним справиться. Хотя, возможность того, что мальчишка решит бунтовать маловероятна. И у Вани осталась волшебная палочка! А у Елизара – нет. И в силе своей он ограничен, пока рядом кто-либо из Воронцовых. И дом не покинет, охраняя Ивана...

Успокаивая себя разумными доводами, Егор мчался по трассе, вновь отдавая себя на растерзание грустным мыслям о предстоящей неволе. Свернув на проселочную дорогу и проехав по ней еще с полчаса Воронцов остановился в деревне у большого деревянного дома с башенкой и резными наличниками. Оставив машину у ворот, Егор толкнул калитку, которая послушно отворилась перед ним, и ступил на заросшую сиренью с обеих сторон тропинку к дому. Дойдя до двери, Воронцов постоял немного, решаясь и, подняв руку, наконец, постучал, несмотря на наличие дверного звонка. Пару минут ничего не происходило, и Егор постучал вновь. Тут уж в доме послышались шаги и, распахивая перед гостем дверь, на пороге появилась изящная молодая женщина. Она удивленно воззрилась на Воронцова и молча ждала, что он скажет. Он только кивнул ей и, так и не дождавшись от нее хоть слова, произнес:

– Ты могла бы впустить меня в дом.

Женщина хмыкнула и отступила на шаг в сторону, пропуская Егора внутрь. Воронцов зашел и уверенно направился в гостиную, хозяйка дома, заперев дверь, проследовала за ним. Она молча наблюдала за тем, как Егор устраивается в старом кресле-качалке возле изразцовой печи. Воронцов поднял на женщину взгляд и улыбнулся – холодно и саркастично. Хозяйка дома разгладила несуществующие складки на своем розовом платье и с вызовом посмотрела на Егора, не отрывавшего от нее взгляда. Это была та самая «розовенькая» дамочка, как окрестила ее Лиза, посетившая Воронцовых утром. Семена поблизости не наблюдалось, и Егор прекрасно знал, что тот и не появится. Молчание затягивалось – никто из этих двоих не собирался заговаривать первым. Женщина ждала, что Воронцов назовет причину, по которой явился, Егор же ожидал, пока хозяйка дома сама что-нибудь скажет. Наконец, она раскрыла рот:

– Привет, Егор.

– Привет, сестренка!

Женщина недовольно поморщилась от этих слов и отвернулась.

– Что такое, Агата? – делано изумился Воронцов. – Где же твои родственные чувства?

– Там же, где и твои, – мелодично отозвалась женщина.

– Н-да... Тогда, боюсь, от них, действительно, ничего не осталось... – задумчиво сказал Егор. – Но кровь у нас по-прежнему одна, так что окажи мне небольшую услугу.

– Услугу? – сощурилась Агата. – Ты еще имеешь наглость о чем-либо меня просить? Что ты вообще забыл в моем доме?

– Ты же сама еще утром хотела, чтобы я пришел! – осклабился Воронцов.

– К хозяину, а не ко мне! Я не желаю иметь с тобой ничего общего. Ни-че-го!

Агата раздраженно плюхнулась на старый низкий диванчик и сцепила руки на коленях, отвернувшись от Егора. Тот устало смотрел на сестру, ожидая, что она, может быть, еще что-нибудь скажет. Но Агата молчала, однако, не прося Воронцова удалиться. Егор отметил, что она не сильно изменилась за те годы, что они почти не общались – Агата была все так же элегантна и изящна. Светлые волосы мягко ложились ей на плечи, плотно сомкнутые губы не потеряли своей яркости, а в зеленых глазах плескался тот же огонь, что и много лет назад. Понаблюдав за сестрой и не дождавшись от нее какой-либо реакции, кроме звука хрустнувших костяшек пальцев, Егор небрежно бросил:

– А я-то надеялся на порыв сестринских чувств с твоей стороны... Учитывая то, что рядом нет твоей «старой вороны». Кстати, где он? Я уж думал, что Семен тебя никогда не оставляет одну. При нем ты вела себя так официально... Или просто «при исполнении» ты всегда такая?

Агата, резко повернув голову в сторону брата, строго посмотрела на него и отчеканила:

– Говори, что тебе надо и уходи!

Егору надоело дразнить хозяйку дома и он, откинув лживые любезности и сожаления, подавшись вперед в кресле, серьезно сказал:

– Помоги мне договориться с Всеволодом о замене в договоре меня на Елизара.

Агата сперва недоверчиво покосилась на брата, ожидая, что он продолжит, но когда она поняла, что Егор озвучил всю просьбу, то ее изящно очерченные брови удивленно приподнялись.

– Ты издеваешься? – насмешливо поинтересовалась Агата. – Ты серьезно думаешь, что хозяин согласится на такой обмен? Тогда ты не в своем уме. К тому же, ты должен понимать, что я не имею ни малейшего желания оказывать тебе поддержку. И не нужно ссылаться на наше родство! Благодаря этому я никогда не причиню тебе вреда, но вот заставить меня тебе помогать ты не сможешь.

– Агата, я прошу совсем немного! – воскликнул Егор, и в его взгляде явственно проступило отчаяние. – Пойми, что для меня это очень важно – я не могу отдать долг Всеволоду. Ты прекрасно знаешь, что это меня убьет.

– Ты и так прожил прекрасную долгую жизнь, – равнодушно отозвалась Агата, разглаживая платье на коленях. – Пора и честь знать.

Егор побледнел от такого жесткого ответа и, стиснув кулаки, поднялся из кресла с намерением уйти прочь из этого дома и никогда больше не возвращаться. Он уже был на полпути к выходу из гостиной, когда его остановил издевательский смех сестры.

– Ой, ты такой трус, Егор! – сказала, улыбаясь, Агата, когда Воронцов к ней обернулся. – Всеволод не чудовище! Ничего с тобой не случится. Я-то жива, хоть и выплатила долг сполна! Хватит бегать от него и прятаться. Все платят свои долги и исполняют обещания! Думаешь, ты особенный? Ах, ну да, я же забываю о твоём больном самомнении!

Егор печально глядел в глаза сестре, которая продолжала смеяться над ним:

– Ты, правда, думаешь, что он изведет тебя? Скорей уж я это сделаю. Но, даже если и так, то у тебя просто нет другого выбора – если, конечно, ты дорожишь своей женушкой. Тебе следует сейчас же отправиться к Всеволоду и исполнить договор. Это мой тебе *сестринский совет*.

Егор покачал головой, понимая, что это все что он может услышать от старшей сестры, для которой хозяин дороже, чем родной брат, которого она действительно с удовольствием помучила бы. Без поддержки Агаты у Воронцова почти исчезал шанс договориться с Всеволодом полюбовно... И как бы ни было Егору неприятно признавать правоту сестры, но ее совет был верным – нужно было отправляться к Всеволоду. Егор, устало потерев глаза ладонью, тяжело вздохнул и совсем тихо произнес:

– Ты не проводишь меня к своему хозяину?

Глава десятая, в которой Лиза паникует и спешит на помощь

Солнышко весело светило в не занавешенное плотными шторами окно гостиной квартиры Воронцовых. Лиза с удовольствием потянулась, сбрасывая с себя плед и довольно улыбаясь – от вчерашних тревог не осталось и следа! Благодаря природе за такие крепкие нервы, Обломова натянула джинсы и, отыскав в сумке зубную щетку, отправилась умываться. Приведя себя в порядок, девушка направила свои стопы на кухню – чистую благодаря волшебной палочке, – залила молоком мюсли и включила чайник. Поразмышляв пару минут над смыслом жизни, разглядывая цикламен на окне, Лиза пошла на поиски Елизара – пора было будить Ваню и кормить завтраком, а ключ от комнаты мальчика был у молодого волшебника.

Обломова зашла в кабинет Егора и удивленно остановилась на пороге, обнаружив вместо спящего Елизара, полнейший бардак: спрыгнувшие с полки книги, ползали по полу и радостно пыхтели, несколько слоников спустились со стола и теперь бегали за свободолобными книгами, трубя в хоботы. Остальные слоны разрывали остатки хозяйского органайзера, а кукушка таскала клочки бумаги на шкаф, вероятно, чтобы свить из них гнездо.

– Интересно, она отложит туда деревянные яйца и из них вылупятся деревянные кукушата? – задумчиво пробормотала Лиза, наблюдая за кукушкой.

Отмахнувшись от этой мысли, девушка в поисках Елизара заглянула под кушетку, за кресло и под стол, но юноши нигде не обнаружила. Обломова подумала о том, не могли ли слоники его растерзать и сожрать, но, не заметив крови на их бивнях и ступнях, девушка сняла со слонов подозрения и покинула кабинет.

Елизар отыскался в хозяйской спальне, где он блаженно посапывал на огромной кровати – не сняв даже обуви – среди конфетных фантиков, под звуки телевизора, вещавшего о здоровом питании. Лиза довольно бесцеремонно потрясла юношу за плечо, после чего он нехотя разлепил веки и недовольно уставился на девушку.

– Что ты *здесь* делаешь?! – напустилась на него Лиза.

– Тебе не говорили, что ты похожа на собаку? – лениво спросил Елизар.

Лицо Лизы удивленно вытянулось, отчего девушка стала еще больше походить на рассерженную таксу. Не понимая логику Елизара – если таковая и имелась у юноши – Обломова решила проигнорировать его замечание и повторила свой вопрос:

– Что ты *здесь* делаешь?

– Пока ты не вломилась – мирно спал.

– Почему не в кабинете?

– А зачем мне ютиться на неудобной кушетке в компании не в меру активной игрушечной живности, когда здесь пустует такая чудесная кровать? – спросил Елизар, любовно погладив подушку.

Лиза не могла оспорить его логики, поэтому лишь протянула руку за ключом, другой рукой строго указав на дверь из комнаты:

– Дай мне ключ. И иди умываться. После этого – завтракать.

– Хорошо, мамочка, – издевательски усмехнулся Елизар и, легко соскочив с постели, направился в ванную.

У Лизы же в руке неожиданно из воздуха материализовался ключ от Ваниной комнаты. Пару раз, удивленно моргнув, девушка отправилась отпирать Ванину спальню. Но дверь, как и вчера вечером оказалась заперта еще и изнутри. Лиза громко постучала и позвала Ваню – он не откликнулся. Подумав, что мальчик, возможно, еще спит, Обломова постучала еще громче и крикнула:

– Ваня, вставай! Пора завтракать!

Мальчик не отзывался. Лизе пришло в голову, что он мог быть просто расстроенным из-за вчерашних событий и поэтому отказывался общаться. В таком случае, может, следовало бы оставить его в покое? Лиза в задумчивости устремила взгляд в никуда и наткнулась на насмешливые серые глаза Елизара, небрежно прислонившегося к стене в метре от девушки.

– Ваня не отвечает, – сказала Лиза, указав на дверь, хотя Елизар ни о чем ее и не спрашивал. – Ах! А вдруг с ним что-то случилось?!

– Что, например? – приподнял брови Елизар, не двигаясь с места.

– Не знаю! Какая-нибудь страшная магическая дребедень! Открой как-нибудь эту дверь!

Елизар явно наслаждался выражением паники на Лизином лице и не торопился что-либо делать, но когда девушка грозно сдвинула тонкие брови на переносице, юноша подумал, что сейчас с Обломовой лучше не шутить и, со вздохом взявшись за ручку, легко отворил дверь.

– Как ты это сделал?

Елизар лишь слегка пожал плечами и не удостоил девушку ответом, в котором она, впрочем, и не нуждалась, вихрем влетая в Ванину спальню. Заметавшись по комнате, в поисках ребенка, Лиза воскликнула:

– Где он? Куда он мог деться?

Вдруг Лиза, тихо охнув, замерла на месте, уставившись на раскрытое настежь окно. Вытянув вперед руку и указывая на него пальцем, Обломова лишь беззвучно открывала и закрывала рот. Елизар такой реакции удивился и, не увидев на окне ничего страшного, что могло бы так напугать Лизу, подошел к нему и с любопытством взглянул вниз – на улицу.

– Он что... Он там, да? – пискнула Лиза.

Елизар удивленно обернулся, соображая, кто этот «он» и, увидев несчастное выражение лица Обломовой, наконец, понял, чего девушка опасалась. Юноша усмехнулся и покачал головой:

– Нет. Можешь успокоиться.

Лиза облегченно вздохнула, но подавилась воздухом, когда Елизар продолжил:

– Конечно, бездыханное тело могли попросту уже убрать.

Лиза распахнула глаза так широко, что Елизар подумал, что уж теперь-то они точно вывалятся, но девушка тут же часто-часто заморгала, пытаясь остановить слезы, собравшиеся обильно вытекать из карих глаз. Елизару нравились эмоциональные реакции Обломовой, но он не любил, когда девушки плакали, поэтому, мысленно признав свою шутку неудачной, дабы исправить положение, юноша взял с Ваниной кровати замеченный им еще при входе листок бумаги с посланием от мальчика и молча протянул его оцепеневшей Лизе. Девушка бессмысленно уставилась на письмо, затем, пробежавшись по нему глазами, немного пришла в себя и тогда вслух зачитала:

– Лиза, не бойся – со мной все хорошо. Я решил помочь папе, поэтому я поехал к Агате (Елизар сказал мне, где она живет), – после этой фразы юноша был удостоен яростного взгляда от Лизы, но так как он отказывался на это реагировать, Обломова без лишних слов, продол-

жала: – Я вернусь вместе с папой. Не беспокойся за меня. P.S. Елизар, заботься о Лизе! Подпись – Иван. Что ты об этом скажешь?

Елизар, скривившийся после указания Вани заботиться о Лизе, придал своему лицу невозмутимое выражение и ответил:

– Что тут можно сказать? Ванька же все тебе написал – он поехал к Агате...

– Ага! Потому что ты додумался объяснить ему, как это сделать! Очень дальновидно, господин Елизар!

– Это что – сарказм? – усмехнулся юноша. – Между прочим, ты сама вчера подняла эту тему и насаждала кучу вопросов – я всего лишь на них отвечал.

– То есть я еще сама и виновата?! И что это за Агата вообще?! – недоумевала девушка.

– Да не Агата она, а Агафья, – поморщился Елизар. – Просто ей кажется, что так ее имя звучит благороднее.

Лиза мерила шагами комнату, раздумывая, что же ей теперь предпринять. Юноша подошел к окну и попытался его закрыть, что потребовало несколько минут – ведь Елизар раньше никогда не имел дела со стеклопакетами. Успешно справившись с этим нелегким делом, молодой волшебник повернулся к Обломовой и предложил:

– Может, поедешь домой, раз твоя помощь больше не требуется?

– Глупости! Я собираюсь спасти Ваню.

– Его не надо спасать – он уже, наверное, у Агафьи...

– Ты мне так и не ответил кто она такая!

– Та женщина, что приходила вчера вместе с Семеном.

Лиза замерла, удивленно воззрившись на Елизара. Обретя дар речи, Обломова пробормотала:

– И ты отправил к ней ребенка?..

– Я никого никуда не отправлял! К тому же, Агафья Ваньку не обидит – она, все-таки его тетка.

– Его *кто*? – еще больше удивилась Лиза.

– Она сестра Воронцова, – терпеливо пояснил Елизар.

– У Егора есть сестра? Я думала, что за шестьсот лет он всех родственников пережил...

– А тебе не приходило в голову, что у такого *необычного* человека вряд ли будут *обычные* родственники? – саркастично улыбнувшись, поинтересовался Елизар.

Лиза признала его правоту, но сейчас данный вопрос занимал ее меньше всего. Приняв решение о своих дальнейших действиях, Обломова была полна решимости прямо сейчас приниматься за дело. Елизар, видимо, разглядев это в ее глазах, поднял вверх указательный палец и заявил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.